

ГАЛИНА ВРУБЛЕВСКАЯ

КОРОЛЕВА ПРИДУРОЧНАЯ

РОМАНЫ О ВРЕМЕНИ И ЛЮБВИ

Романы и сборники малой прозы

Галина Врублевская

Королева придурочная

«Автор»

Врублевская Г. В.

Королева придурочная / Г. В. Врублевская — «Автор»,
— (Романы и сборники малой прозы)

ISBN 5-9524-2864-5

Все так. Женщина, причем, весьма образованная, вынуждена бежать от придурочного мужа. И всегда есть надежда встретить настоящую Любовь, но... роман не только об этом. Две девушки дружат с детства, но обласкана судьбой лишь одна из них. В душе другой зреет зависть, едкая и злая. И все у счастливицы вдруг начинает осыпаться. Неужели завистливый взгляд и недобрые пожелания подруги могут стать тому причиной?

ISBN 5-9524-2864-5

© Врублевская Г. В.

© Автор

Содержание

Часть первая	5
1	6
2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Галина Врублевская

Королева придурочная

Часть первая

Ксения держала сына за руку. Она медленно прошла сквозь распахнутые настежь ворота и остановилась на скользкой дороге. Снежная поземка... Низкие тучи... Темный, зыбкий декабрьский рассвет. Будка охранника пустовала. Вместо двери в ней зиял голый проем. Только растущая рядом ель с накинутой на ветви новогодней гирляндой приветствовала ранних гостей мерцающей спиралью желтых огоньков. Дорога тут же заканчивалась, упираясь в сугробы сдвинутого бульдозером снега. За снежным валом виднелся покосившийся деревянный дом – при известном воображении в нем можно было увидеть старинную барскую усадьбу. Окна были темны. Крыльцо занесено снегом. Ксения неуверенно остановилась. Таксист, бредущий рядом с ней, тоже встал, бросил в снег багаж пассажирки и угрюмо спросил:

– Вы не ошиблись, хозяйка? Точно это место?

Ксения и сама засомневалась. В прошлый раз, когда она приезжала сюда, снег еще не выпал, по парку бежали разноцветные дорожки, и вообще, в солнечном свете все выглядело радостнее и веселее. Почему округа будто вымерла? Уже десятый час, а жизнь в таких местах начинается рано. Приподняв голову, Ксения угадала вдали, в просвете сосен, темнеющую громаду высотного здания. Один из верхних этажей прорезал пунктир светящихся окон. Только один! Но Ксения воспряла духом, взяла сына на руки и побрела по снежной целине в сторону многоэтажного монстра. Таксист обогнал их, – пошел впереди, печатая ботинками следы.

1

Не часто женщина с пятилетним сыном на руках отваживается сбежать из дома. Сбежать от плохого мужа. Но всякому терпению наступает предел.

Ксения Королёва была врачом, достойным специалистом, но в душе оставалась послушной девочкой-отличницей. Все заключалось дело в слишком интеллигентном воспитании: не подготовили ее родители к реальной жизни. Даже превратности судьбы не смогли искоренить в ней вежливости и привычки считаться с другими людьми. Ее уступчивостью воспользовался Вадим Кривонос, тоже дипломированный врач. Стал мужем Ксении и в быту показал себя законченным деспотом и садистом.

От медицинской практики Вадим Кривонос отошел вскоре после окончания института: то зарплата не устраивала, то далеко на работу ездить, то требования начальства чрезмерны. Сменив несколько мест службы, оказался на вольных хлебах – распространителем пищевых добавок. Но и в новой среде заслуг не прибавилось, партнеры пренебрежительно называли его «Вадик» и ответственных дел не поручали. Ксения тем временем освоилась в поликлинике, была на хорошем счету и работала физиотерапевтом. На сына с мужем у нее времени тоже хватало. Чем успешнее шли дела у Ксении, тем больше раздражался Вадик. Он стал вымещать на ней обиды, винить в своих неудачах. Орал, в запальчивости бросал в лицо презрительное – «Королева придурочная!». Только унижая жену, Вадик возвышался в собственных глазах.

Ксения большей частью отмалчивалась, иногда слабо возражала. Не дай ей бог указать на просчеты мужа – Вадик не стеснялся и руки распускать. Ксении часто приходилось запудривать синяки и ссадины на лице и шее, чтобы скрыть от окружающих следы безобразных сцен. Гордость не позволяла жаловаться на свою беду даже близким людям.

После приступов ярости Вадик становился смирным, падал перед Ксенией на колени, осыпал цветами и жаркими поцелуями. Покаянные речи мужа восстанавливали шаткое перемирие, но ненадолго. Вскоре ситуация повторялась и катилась по уже известному сценарию: нелепые обвинения, крики, рукоприкладство.

Очередная ссора возникла, как всегда, на пустом месте. Ксения собиралась на работу в поликлинику и решила примерить новые туфли. Накануне она купила их, чтобы надевать в кабинете вместо зимних сапог. Темные лодочки на высоком каблучке были ей впору, оставалось только посмотреть на себя со стороны. Ксения отошла подальше от зеркального шкафа, стоящего в прихожей, повернулась боком, приподняла юбку – каблучки выгодно подчеркивали ее стройные, красивые ноги.

– На работу собираешься! А вырядилась для кого? – в ожидании ответа Вадик напрягся: кулаки сжались, густые брови сомкнулись у переносицы и стали похожи на жирную галочку в документе. Скандал набирал силу.

Ксения безмятежно улыбнулась своему зеркальному отражению:

– Для кого? Для себя, для больных. Я доктор, и должна выглядеть прилично.

– Так я тебе и поверил! Не делай из меня кретина, королева придурочная. Перед хирургом, реально, красоваться? Или теперь на уролога, блин, запала?

В минуты ссор из дипломированного врача вылезал дворовый хулиган – в семье Вадик позволял себе разгуляться.

Вадик перечислил почти всех мужчин-врачей, о наличии которых в поликлинике знал из ее же рассказов. Затем с силой толкнул жену на стул и сорвал с ее ног новые туфельки. Ксения попыталась ухватиться за каблук, но Вадик был сильнее. Он овладел трофеем и начал молотить Ксению каблуком по голове, плечам, спине. Ксения закрывала голову руками, под ее пальцами,

тонушими в волосах, уже вздулась заметная шишка. Испарянные каблуком пальцы саднили. Слезы лились по лицу Ксении, но она не замечала их. Ей было страшно!..

– Допрыгалась, блин! Вот тебе хирург! Вот тебе уролог! – Вадик осыпал жену ударами. Потом с силой схватил Ксению и отшвырнул от себя – зеркальная вставка в шкафу с дребезгом рассыпалась на мелкие части. И в каждом кусочке, как в кривом зеркале, отразилось искаженное болью лицо поверженной королевы. По плечу Ксении потекла кровь.

На шум в прихожей прибежал из комнаты Никитка и ухватился за босые ноги матери.

– Не бей, не бей мамочку! – закричал ребенок, сверкая испуганными глазами.

Вадик отступил. Ксения ушла в ванную комнату, заперлась и включила воду. Уже не раз пыталась она покончить со своим браком, и выставить мужа за дверь. Но попытки терпели крах. Вадик заявлял, что никогда не даст согласия на развод и никуда уходить не собирается. При этом угрожал, что если Ксения станет действовать наперекор, лишится своего сына. Он убьет и его и себя. Вадик красочно расписывал, как будет выглядеть трупик ребенка. Сейчас, ополаскивая саднящие раны холодной водой и смазывая их перекисью водорода, Ксения верила его угрозам. И, хотя сына изувер пока не трогал, мальчик, издерганный скандалами, часто капризничал, боялся темноты и с трудом засыпал даже в присутствии Ксении. На его поведение жаловались воспитатели в детском саду.

На сей раз муж отделал ее так, что пришлось отлеживаться несколько дней. Ксения вызвала врача из детской поликлиники, солгала, что у сына накануне была температура. Врачиха, вздохнув, выписала бюллетень по уходу и с состраданием посмотрела на бледное лицо коллеги с кровоподтеками у глаз. Ксения молчаливо поблагодарила врачиху, сгорая от стыда за свою ложь.

Этот случай переполнил чашу терпения. Мысль о побеге окончательно овладела душой. Под угрозой были не только ее здоровье и благополучие, но и жизнь сына – каким он вырастет при таком отце? Но куда бежать? К тому же – мало сменить жильё: тут и работа, и детский сад – все увязано в один узел. Ксения не знала, за какую ниточку потянуть.

Вадик через пару дней притащил огромный букет цветов и плюхнулся перед женой на колени. Что ж, эти сцены она видела не раз и больше не верила им. С брезгливым равнодушием она поставила цветы в вазу и ушла на кухню готовить ужин.

Возможность решить все разом подвернулась неожиданно. На специализированном семинаре Ксения повстречала институтскую сокурсницу Марию и, преодолев себя, поделилась своими проблемами. Мария работала в одном из санаториев курортного района под Петербургом. Пообещала поговорить насчет подруги с главврачом и свое обещание сдержала.

Ксения Игоревна Королёва предстала перед своим будущим руководителем. Разговор был долгий и тягостный. Ей пришлось коснуться семейных дел, вынудивших ее искать работу в отдаленном от города месте. Молодая женщина произвела выгодное впечатление на главврача. У нее был хороший диплом, приличный опыт работы и несколько свидетельств о повышении квалификации. Кроме того, она была элегантна, воспитана, и внешне весьма привлекательна. Пожилой начальник, стараясь не обнаружить восхищения, скользнул взглядом по стройным ножкам Ксении, пробежался по ладной фигурке, гладко зачесанным русым волосам и вполне добропорядочно уставился на ее лицо. Даже неправильный прикус – нижняя челюсть ее слегка выдавалась вперед – не портил общего впечатления, а придавал лицу Ксении особенное, по-королевски отстраненное выражение.

Ксения была рада, что выдержала экзамен и будет принята на работу. Новый начальник Виктор Эдуардович понравился ей несмотря на непрезентабельный вид. Венчик редких волос вокруг лысины, заметное брюшко под белым халатом, напоминающее живот беременной женщины, пухлые короткие ручки, которыми он то и дело всплескивал при разговоре, мало соот-

ветствовали стандарту мужественности и статусу руководителя. Этаким доктор Айболит из детского мультика. Однако все формальные вопросы добродушный Айболит решил на удивление быстро. Через две недели он позвонил Ксении и сообщил, что она может приезжать хоть завтра. Ей уже выделена комната в семейном общежитии, а ребенка она сможет устроить в детский сад в ближайшем поселке.

Ксения дожидалась дня, когда мужа не будет дома. Он часто ездил по региону в командировки, занимался сбытом пищевых биодобавок. И вот – очередной отъезд на три дня. Ксения во чтобы-то ни стало должна была успеть. Трудовую книжку и справку на Никитку из детсада она заберет позже, но вещи предстояло собрать сразу. Ведь она уезжала с ребенком. Ксения отдавала себе отчет, что покидает эту квартиру навсегда. Квартиру, где прошло ее детство, где она была когда-то так счастлива в уютном мирке своего дома. Она понимала, ни по-доброму, ни через суд Вадик не вернет ей квартиру. Родители дали ей много: хорошее воспитание, образование, только не научили одному – умению постоять за себя. И потому она бежала от мужа, бросив все нажитое не одним поколением добро.

Такси пришло рано утром, когда дом еще спал. Ксения выбрала это время не только потому, что хотела избежать любопытных взглядов соседей. Она боялась, что муж выудит из них информацию о ее отъезде, отыщет таксиста, узнает, куда он отвез своих пассажиров: женщину и ребенка. Одним словом, киношный детектив с погоней уже разворачивался перед глазами Ксении, когда она, озираясь по сторонам, выносила вещи к крыльцу подъезда. Набралось несколько увесистых сумок и коробок, половина которых была заполнена книгами. И специальная литература, и художественная, и затрепанные папки с нотами – все, без чего Ксения не представляла себе дальнейшей жизни. Концертный рояль в санатории она опробовала, когда ездила на беседу с главврачом. Наличие инструмента было весомым фактором в пользу новой работы. Без мужчины она надеялась обойтись, но жить без музыки было невыносимо. Собственное пианино, стекло, фарфор и картины она бросала на произвол судьбы.

Даже вдвоем на заднем сидении оказалось тесновато. Полусонный Никитка, укутанный в теплый комбинезон, был зажат между мамой и упругим тюком с одеждой. Едва такси тронулось, Никитка уснул, склонив голову на колени мамы. Ксения застыла в оцепенении: лихорадка предшествующего дня улеглась. Женщина бездумно смотрела на качание «дворников» на лобовом стекле, и все происходящее казалось ей сном. Падал мокрый снег.

Вадик будто предчувствовал, что дома не ладно. Он раздумал ехать в еще один городок, где его ждали оптовики, и повернул машину назад, в Питер. Через два дня наступит Новый год, дела могут подождать. Все равно торговля в первые дни января замирает. Он выехал на почти свободное шоссе и поехал, соблюдая осторожность. Зря рисковать Вадик не любил. Однако при въезде в город чуть не столкнулся с едущим навстречу такси. Эти такси никогда не уступят дорогу. Вадик чертыхнулся, погрозил кулаком промчавшейся мимо машине, и в этот момент в его мозгу возникло странное видение: ему показалось, что на заднем сидении ежится женщина, похожая на его жену. Этого не могло быть. Впрочем, он толком не разглядел пассажирку: бесформенная фигура рядом с ней, привалилась к стеклу и загоразживала ее. Вадик забеспокоился.

Дома он понял, что странное видение было явью и кинулся к соседям узнавать, не видел ли кто, когда и куда уехала его жена. Никто не помог прояснить ситуацию. Однако он сам окончательно уверился в том, что видел на шоссе именно Ксению. Он не ошибся – то была она. Правда, Вадик не заметил спящего на коленях матери сына, а потому недоумевал, куда она дела Никитку. Может, отвезла к родственникам или к подругам? В разгоряченном мозгу всплыла новая деталь темная фигура рядом с женой. Громоздкий тюк Вадик принял за человека, и фантазия его расцвела. Любовник! Сомнений быть не могло. Черт с ним, с ребенком, Никитку он разыщет позже. Сейчас главная задача – догнать беглецов и расправиться с ними. Но где их искать? Они ехали на такси, – значит, где-то не очень далеко должны были выса-

даться. Вадик стал выстраивать логическую цепочку. Встречное такси ехало на Северо-Запад, в сторону Карельского перешейка. Направление поисков сужалось. Ясно, жена с любовником бежали в Финляндию! До нее рукой подать, чуть больше сотни километров. За границей они будут недостижимы! Но догнать беглецов уже не было никакой возможности. Вадик помчался в финское посольство – заявить о паре злоумышленников, везущих с собой наркотики. Но было еще слишком рано, офис посольства не работал. Вадика это не остановило. Он разбил стекло в будке охранника и потребовал, чтобы Финляндия закрыла границы с Россией. За Вадиком приехал милицейский наряд, его забрали в отделение. Поскольку инцидент был связан с иностранной державой, все оформили честь по чести. Запросили по телефону погранпункт, передали сведения на предполагаемых контрабандистов: гражданку Озерову Ксению и ее спутника, по особым приметам – мужчину громадного роста и необъятной толщины. К вечеру выяснилось, что названные люди так и не появились на границе. Вадика хотели отпустить, оформив протокол за хулиганство. Но он продолжал кричать и буйствовать. Учитывая, что задержанный оказался абсолютно трезв, его переправили в психоневрологический институт на освидетельствование.

С того декабрьского утра прошло около месяца. Но Ксения недолго радовалась своему избавлению. Жизнь в санатории преподнесла сюрпризы. По сути, от санатории осталось только его незатейливое название «Волна». В советское время модная профсоюзная лечебница, теперь «Волна» предстала полуразрушенными, на треть заполненными корпусами, и только в летний сезон отдыхающих становилось больше. Общежитие, та самая барская усадьба, восхитившая Ксению в день приезда, топилась плохо. Никитка не вылезал из простуд. Передавший функционировать лечебный корпус, грязе- и водолечебницы были в запустении, а оборудование зала ЛФК полностью разворовали. Лишь в подвале здания, там, где прежде были прачечная и хозпомещения, ныне работали частный фитнес-клуб, сауна и несколько платных кабинетов, ориентированных преимущественно на лечение богатых пациентов. По выходным дням в них царил оживление. Измотавшиеся за неделю бизнесмены и их подруги приезжали туда поправить свое здоровье и повеселиться. Но для Ксении это была чужая территория. Она только два раза заглядывала туда к Марии, арендовавшей помещение для своего платного кабинета. Неимущие пациенты санатория в эти кабинеты доступа не имели.

Когда-то у санатория имелся определенный профиль, но теперь здесь лечили, а фактически просто пасли льготников – стариков и инвалидов, отобранных специальными комиссиями. Ксения искренне хотела помочь пациентам, но в ее врачебном арсенале было слишком мало средств. Ксения пыталась поговорить с главврачом Жарковским, но тот театрально разводил маленькими ручками и жаловался, что ничего не может поделать – нет финансирования. Однако тут же туманно намекал, что вскоре все должно измениться: он с группой товарищей уже взялся за переоформление прав собственности. Как только все подтверждающие документы будут на руках, санаторий начнут капитально ремонтировать. Надо только немного подождать, набраться терпения, и тогда все образуется. Беседуя с Ксенией, главврач то потечески клал руку на ее плечо. Ксения пугалась, отодвигалась от начальника, но он будто не замечал ее реакции и продолжал разглагольствовать о перспективах.

Однажды Виктор Эдуардович Жарковский вызвал Ксению себе в кабинет вечером, после окончания рабочего дня. Повернул ключ в двери, достал из шкафчика бутылку хорошего коньяка, налил две стопочки: себе и Ксении.

– У вас какое-то событие? – спросила Ксения.

– Событие у вас, Ксюша, – непривычно фамильярно отозвался главный.

Ксения вопросительно посмотрела на него.

– За вас, моя дорогая девочка, – Жарковский поднял руку со стопкой. – Ну же, прошу вас. Сегодня у вас заканчивается испытательный срок!

Ксения подчинилась приглашению и взяла стопочку.

– Вот как! Вы и не предупреждали про срок. Значит, я прошла испытание?

– Это событие надо отметить!

Жарковский сказал несколько добрых слов о старательности Ксении, и вдруг, как обухом по голове ударил:

– Но согласись, милая Ксюша, ты не очень-то загружена. Попросту говоря, бездельничаешь.

Ксения растерялась от такого обвинения и машинально опрокинула в рот следующую стопку.

– Но я же не виновата, Виктор Эдуардович, что пациентов мало.

Главный пододвинул свой стул поближе к Ксении, положил руку на ее колено, обтянутое колющим нейлоном колготок. Ладонь его поползла под юбку. Женщина испуганно посмотрела на начальника и вскочила.

– Сядьте, Ксения Игоревна. Испытательный срок еще не закончился. Да, пациентов пока мало, а если случится большой заезд? Сколько дней вы пропустили в связи с болезнью ребенка?

– Никитка – слабенький мальчик. Мне приходится возить его в садик в холодном автобусе, он в дороге все время простужается, да и комната наша в общежитии очень сырая и холодная.

– У вас есть выбор. Или вы завтра с утра уезжаете вместе с ребенком из санатория, я распоряджусь насчет машины, или... работаете со мной дальше. Я выделю вам номер-люкс в другом корпусе, на этаже для vip-персон. Я и сам, кстати, там живу. А к Никитке мы приставили няню. У меня работает на этаже горничная, очень старательная бабуля. Я оставляю ей для уборки только мой номер и ваш, она у меня уже прошла проверочку. Остальное время она будет присматривать за мальчиком. Вам ее услуги обойдутся абсолютно бесплатно. Итак?

Ксению испугалась. Куда она денется с Никиткой? Ее нигде не ждут. Будь она одна, другое дело. Ксения налила себе еще коньяка и залпом его выпила. Легкое кружение головы притупило остроту дилеммы, перед которой она оказалась: быть выброшенной вместе с ребенком на мороз или принять предложенные условия. Третий выход, такой простой и очевидный – остаться в санатории и вступить в борьбу с главным – казался ей невыносимым. Тиран в облике добренького Айболита все равно осилит ее. Выбросит ее вещи на улицу, подпишет приказ об увольнении. Кому она пойдет жаловаться? Он здесь царь и бог!

Ксения выдохнула, сосчитала до десяти и вновь посмотрела на доктора Жарковского, но теперь совсем иным взглядом. Нет, он вовсе не был квашней и стариком. Живот его, нависающий над брючным ремнем в распахнутой створке врачебного халата, был обтянут тонкой дорожкой сорочкой: белой в синюю полоску. Накрахмаленный врачебный колпак прикрывал плешь на темени и придавал толстяку роста. Жарковский доброжелательно, без всякой угрозы улыбался, обнажив идеально белые вставные зубы. «Нет, он не сможет выбросить нас с Никиткой на улицу, он просто пошутил», – подумала Ксения. Жарковский был спокоен, взгляд его был чист и незамутнен. Она почувствовала доверие к сильному, уверенному в себе мужчине.

– Мы поладим, Ксюша, – поймал ее взгляд главврач и, обняв ее за плечи, помог подняться со стула. Он подталкивал ее к объемному, мягкому дивану, занимающему треть кабинета.

Ксения не видела, как Жарковский расстегнул ремень на животе, как он разомкнул молнию на ее собственной юбке – глаза ее были крепко зажмурены от страха и стыда. Детский прием: зарыть по-страусинному голову в песок – помог ей принять неизбежное.

В феврале в санатории наступили черные дни. Даже льготники отказывались от бесплатных путевок, опасаясь сильных морозов. Плохо отапливаемые корпуса насквозь продувались ветром, на окнах и на стенах лежал иней. Зима била все рекорды по холоду. Приехавшие старики мерзли, простужались, болели. Многие не вставали с постели. На прием к физиотерапевту

приходили считанные единицы, да и тем немногим Ксения мало чем могла помочь: оснащение физиокабинетов устарело и вышло из строя. Приняв утром несколько больных, она в томительном безделье дожидалась конца приема.

Иногда к ней заглядывал Жарковский, она как должное принимала его визиты, смирившись с привычной ролью жертвы. Но бывали времена, когда главврач на несколько дней уезжал в Петербург. Он обивал пороги кабинетов и комитетов, пытался перевести активы госпредприятия в возглавляемое им акционерное общество. По сути, Жарковский давно был хозяином санатория, но теперь желал узаконить этот факт. Помимо юридических дел, у него в Петербурге были и личные заботы. Изредка он навещал свою парализованную жену, обитающую в городской квартире под присмотром сиделки.

Без поработителя Ксения и дышала иначе. Она с жадностью втягивала в легкие глотки свободы, испытывала щемящее чувство быстротечности мгновений – так чувствуют себя люди, живущие в большом, шумном семействе, и вдруг на часок-другой оставшиеся в опустевшей квартире. Сегодня у женщины был именно такой день.

Ксения Игоревна выглянула в коридор – только ряд пустых стульев перед кабинетом. Всех назначенных на сегодня стариков она уже приняла – они послушно отправились прогревать свои суставы под УФО и УВЧ, на другой этаж. Она достала папочку с нотами (та всегда лежала у нее на полке рабочего шкафа среди историй болезни) вышла из своего кабинета и закрыла его на ключ. Пройдя несколько шагов, оказалась в просторном танцевальном зале, здесь сейчас тоже никого не было. Старый рояль уже поджидал ее. Это был настоящий инструмент! Дома же – была только нарисованная на картоне клавиатура – Ксения приспособила ее для обучения сына музыке. Звучание нарисованных клавиш можно было вообразить или наполнить своим голосом, но рояль дарил ей настоящее наслаждение. Ксения привычно открыла крышку, провела пальцами по глянцевой черно-белой дорожке. Вырвавшиеся на свободу звуки влекли ее в другой мир. Она положила ноты на пюпитр, присела на стул и... Дробная капель летнего грибного дождика, шелест листвы, едва ощутимая мелодия ветра наполнили зал. Следом возникли темы вечного сна и всеильной судьбы. Ксения играла реквием Верди.

За стеклами окон, забеленных инеем, еще царила зима, но весенний месяц март уже вставал из сугробов.

– Верди. Хладнокровная судьба правит миром. Я согласен с композитором, – бесстрастно прозвучал на волнах музыки приятный мужской голос.

Ксения оторвала глаза от нот и захлопнула крышку рояля. Она никак не отозвалась на замечание, потому что не хотела превращать в банальные слова звучащую в ней мелодию. Еще под гипнозом музыки, окинула взглядом незнакомца. Мужчина был привлекателен. Сразу бросались в глаза его на редкость длинные ноги. Куртка-дубленка нараспашку еще сильнее подчеркивала их длину – так иногда выглядят подростки, растущие неравномерно. Голова, тоже немного вытянутой формы, русые, небрежно взъерошенные волосы, едва обозначенная бородка, популярная среди молодых интеллектуалов. Все это Ксения уловила почти бессознательно. Незнакомец был похож на аспиранта или молодого ученого, хотя при более внимательном взгляде становилось очевидно, что ему под сорок. Глаза, добрые и умные, просто заворовали Ксению. Чувства ее, разбуженные игрой на рояле, не желали возвращаться в отведенную им хозяйкой клетку. Она выдержала чуть ироничный и одновременно усталый взгляд посетителя. Непонятное смятение охватило женщину, но она не понимала, что с ней: Ксению давно не касались стрелы Амура.

Мгновение – и она смутилась от собственной вольности, спохватилась, что недопустимо расслабилась. Перевела взгляд на лоб посетителя, высокий, выпуклый, сухо поинтересовалась:

– Вы сауны и фитнес-клуб ищете? Так это в соседнем корпусе.

– Сауну? Вы заметили у меня под мышкой мочалку? Нет, я...

– Отдыхать к нам по путевке? – в свой черед удивилась Ксения: моложе шестидесяти сейчас в их санатории отдыхающих не было. Впрочем тут же поняла, что опять ошиблась – вместо спортивной сумки или рюкзака в руках мужчины был черный чемодан-дипломат.

– Не подскажите, где мне найти доктора Дмитрук, Марию Петровну? Кабинет лечения по методу Фолля.

Внезапно Ксения ощутила щемящую боль, будто минутой раньше встреченный ею взгляд застрял в сердце, а сейчас шевельнулся. То, что мужчина оказался другом Марии, задело Ксению. Или не друг, пациент? Надежда ослабила сердечную боль.

– «Фолль» у нас там же, где сауна. Выйдете из этого здания, пересечете дорогу и сразу увидите трехэтажное здание.

Ксения вернулась в кабинет, убрала на место ноты, подняла телефонную трубку:

– Машунь, тебя тут посетитель искал. Ждешь кого?

– Если это Родион Стрельцов, то да. Длинноногий такой, с бородкой, верно?

– Ты мне ничего о нем не рассказывала.

– А ты мне много рассказываешь? – отбилась от обвинения приятельницы Мария. – Ой, он уже тут, только что за окошком промелькнул. Пока.

Ксения действительно избегала говорить на личные темы. Но Родион произвел на нее впечатление, и она не удержалась от расспросов. Но – тут же пристыдила себя: «Маша права, нечего лезть в чужую жизнь». Ксения посмотрела на часы: пора идти. Но прежде чем вернуться домой, следовало дойти до поселкового магазинчика, купить им с Никиткой что-нибудь на ужин. Можно было не торопиться: баба Проня, будет, если надо, сидеть с ребенком хоть до вечера. Если и выкажет недовольство, то молча: подождет губы, прикроет веками глаза. Ксения не испытывала симпатии к мрачноватой старушке, приставленной к мальчику. Та никогда не снимала натянутый до самых глаз черный платок, непременно отводила взгляд, если разговаривала с Ксенией, а большей частью молчала в присутствии хозяйки. Но с обязанностями своими баба Проня справлялась. Успевала и комнаты убирать, и погулять с Никиткой, и накормить его.

Ксения вышла на улицу и свернула на протоптанную больными дорожку. Морозный воздух взбодрил Ксению. Сухой, искрящийся снег под ее ногами, скрипел ритмично и звонко. Низкие лучи февральского солнца слепили глаза и порождали в душе Ксении новые надежды. Пусть сегодняшний посетитель – не ее судьба, но теперь Ксения знала: сердце ее живо. А, значит, и на ее лице будет праздник.

Одновременно с сердцем пробудился и заснувший в последние месяцы разум Ксении. Почему она плывет по течению и полагает, что не в силах ничего изменить? Начать с работы. Надо потребовать от Жарковского, чтобы он обновил оборудование физиотерапевтического отделения. Да, он намекает на какие-то перемены, но пока продолжается развал санатория. Оставшихся сотрудников это только радует. Каждый пытается поймать рыбку в мутной воде. Машка, например, всегда смотрела на медицину как на источник дохода. Вот и сейчас рядом с сауной открыла платный кабинет диагностики по Фоллю. И процветает! Ксения укорила себя в неблагодарности. Если бы не подруга, вряд ли она, Ксения, сумела бы вырваться из лап Вадика. Кстати, непонятно, почему он притих. Она звонила родственникам, узнавала, не докучает ли Вадик. Оказалось, нет: позвонил разок и успокоился. Надо будет разузнать окольными путями, где он и что задумал. Неплохо нанять адвоката для развода, но на это нужны деньги. А может, Вадик смирился и все обойдется без суда, по обоюдному согласию? Сейчас, на расстоянии, Вадик уже не казался страшным палачом. Большую угрозу представлял Жарковский. Он, как и муж, сумел ощутить ее слабость и безволие, потому и одержал верх. Надо как-то рубить и этот узел. Но как? Опять бежать? А ну как он не пожелает ее отпустить? Нет, Виктор Эдуардович не

такой псих, как муж. Отпустить-то он ее отпустит. Он всегда корректен по отношению к ней. И с Никиткой обходится ласково. Ксения тешила себя надеждами, что сможет сама вершить свою судьбу, но с трудом верила в это. Привычка быть жертвой слишком укоренилась в ней.

Жарковский сразу уловил склонность новенькой к смирению, да и подготовлен он был к встрече с Ксенией своей приятельницей Марией. Именно она подсказала главврачу, на каких струнах можно сыграть, завоевывая эту женщину. О роли Марии в истории ее порабощения Ксения даже не догадывалась. В свое время Мария, поступив на работу в санаторий, сама чуть не оказалась в такой же зависимости от главного, как ее подруга. Но Мария была не из робкого десятка, она сумела припугнуть начальника разоблачением (тот всегда норовил обойти закон), и все встало на свои места. Они стали деловыми партнерами, единомышленниками, но никак не любовниками. Стариков-любовников Мария не жаловала, вокруг нее всегда вились массажисты или инструкторы ЛФК, но подыскивать для шефа молоденьких сотрудниц с покладистым характером для Марии было не в тягость. Она даже испытывала известное удовольствие от сводничества. Ей было приятно помочь не только главврачу, но и медичкам, ищущим по тем или иным причинам работу в санатории. В итоге каждая из них сама решала, увольняться или работать дальше на предложенных главврачом условиях. Жарковский с тех пор, как после автомобильной аварии его жена оказалась прикованной к инвалидному креслу, очень нуждался в женщине. В силу своего служебного положения Жарковский не мог часто менять любовниц, да и времени на ухаживания у него не было. Потому он пытался обзавестись надежной подругой, но сделать это было нелегко, поскольку этот Казанова даже не обещал своим дамам жениться. Единственным способом удержать их рядом были искусные эротические приемчики да служебные блага, щедро раздаваемые главврачом наложницам.

...Три километра туда и три обратно влили в тело Ксении бодрость и силу, и жизнь не казалась ей беспросветной и унылой, как в те минуты, когда она в одиночестве играла на фортепьяно Верди. Надо только пережить эту зиму, страшную зиму, а потом все наладится: Никитка подрастет, окрепнет, она найдет новую работу, разведется с Вадиком, все будет хорошо. А сейчас надо торопиться домой, где ее ждут сынишка и няня Проня.

Перед входом в санаторий Ксения опять увидела длинноногого Родиона. Он и Мария шли по единственной расчищенной от снега аллее к его серебристой, как бы покрытой инеем машине, припаркованной у главного входа – очень ладные и подходящие друг другу. Родион – стройный, высокий, в коричневой короткой дубленке и в пышной шапке из собственных волос, она – в пушистой светлой шубке из песца и в тонком, прозрачном шарфике на тяжеловесном узле прически. Ксения, кивнув обоим, хотела быстрее обойти пару. Как-то неожиданно она застеснялась бесформенного пластикового мешка с продуктами, оттягивающего руку. Но Мария остановила ее:

– Ксюша, подожди. Заглянем ко мне в кабинет. Я тебе покажу интересные штуки, Родион сегодня установил.

– Какие еще штуки? Мне домой пора. Надо няню отпустить, и продукты, вот...

Родион сел за руль и прогрел мотор.

Мария, удерживая Ксению за рукав, наскоро просталась с гостем:

– Ладно, Родиончик, мы пошли, а то здесь застыть можно. У меня кожу на щеках гуси щиплют. Я позвоню, если что не так.

Через несколько минут Мария уже заталкивала Ксению в дверь своего кабинета.

Интерьер кабинета отвечал лучшим мировым стандартам: исключительной белизны стены с зеркальными вставками, сверкающая никелем аппаратура, светильники и бра, удобные кресла для врача и пациента. Со вкусом подобранные тропические растения в кадках и аквариум с рыбками должны навевать покой и уют на посетителей. В каждом зеркальце-вставке (Ксения вдруг вспомнила рассыпанные осколки в своей прихожей), отражалась хозяйка каби-

нета, доктор Мария Петровна Дмитрук. В зависимости от ракурса менялся ее облик: то она была миловидной толстушкой, с темной башенкой волос на голове, скруглым, будто циркулем очерченным лицом и симпатичными ямочками по краям всегда улыбающегося рта, то настороженным менеджером, с прищуренными глазами, продвигающим собственные проекты. Когда-то Мария приехала на учебу в туманный, мрачноватый Питер из Краснодарского края, наполненная светом и теплом южной стороны. И даже два десятилетия жизни здесь, на северных широтах, не смогли охладить этот солнечный жар. Впечатление энергии, исходящей от каждой из Марий – милой толстушки и деловой дамы – усиливали золотые кулоны, цепочки, медалионы и кольца, украшающие ее шею и пальцы.

Маша была младшей дочкой в дружной, многодетной семье. Отец ее руководил крупным агрокомплексом, жили в достатке, малышку баловали и родители, и старшие братья и сестры. Девочка росла смышленным ребенком, но с хитрецей. В большой семье всегда можно было найти защитника и избежать наказания за проказы. Если сердился отец, ластилась к матери. Раздразнив брата, в поисках защиты убежала к сестре. Учебой она себя тоже не утруждала: всегда можно было подсунуть задачку кому-нибудь из старших, переписать чье-то готовое сочинение. В аттестате оказались сплошные тройки – об институте нечего было и думать. Отец устроил ее в медицинское училище в своем районе, где у него всюду имелись связи. Маша жила в общежитии и пользовалась всеми возможностями открывшейся перед ней свободы: пьянки, поздние гуляния, ночные гости. После училища отец забрал ее в свое село и попытался накинуть узду на отбившуюся от рук дочь. Пытаясь вырваться из диктата отцовской власти, Мария заговорила об институте. Ее желание – выучиться на врача, совпадало с мечтами родителей. Отец повез дочку в Питер и за хорошие деньги определил в медицинский институт. Так Мария оказалась на одном курсе с Ксенией, хотя и была старше нее на четыре года.

Учеба взрослой студентке давалась нелегко, да и усердия ей не доставало. Марии хотелось взять от веселой столичной жизни как можно больше: и возраст уже поджимал – было неизвестно, куда занесет ее судьба после института. Долгие шесть лет Ксения помогала подруге в учебе, а на экзаменах становилась палочкой-выручалочкой. Мария, в свою очередь, вытаскивала сокурсницу на дискотеки и вечеринки. Ксения сопротивлялась – не любила шумного общества, но под натиском сокурсницы сдавалась. Едва Мария ослабляла свое воздействие, Ксения уползала в привычную скорлупу. После окончания института пути девушек разошлись окончательно. Мария уехала из Петербурга, так как не имела жилплощади в городе, а отец ее к тому времени потерял свое влияние в крае и лишился прежних доходов. Купить дочери квартиру он не мог. Мария устроилась в больницу в отдаленном городке ленинградской области. Потом кочевала с места на место, пока не оказалась в санатории «Волна», уже тогда возглавляемым Жарковским. Сумела противостоять его натиску, укрепила свои позиции и стала получать приличные деньги. Со временем Мария обрела финансовую самостоятельность, открыла частный кабинет и теперь в санатории трудилась на полставки, все силы отдавая коммерческой медицине. Но, увлекшись карьерой, она упустила время, в которое принято устраивать личную жизнь. Семьи у нее не было.

– Ну, и к чему такая поспешность? Зачем ты затащила меня сюда? – Ксения пристроила пакет с продуктами на столик и присела на край кресла. – Родион сделал тебе предложение? Приглашаешь свидетельницей на свадьбу?

– Твоими бы устами... Он женат. А у нас с ним просто деловые отношения, Родион – электронщик, – усмехнулась Мария. – Я тебя зазвала по другому поводу. Мне не терпится проверить модификацию метода Фолля. Я тут несколько месяцев билась над методикой. А Родион помог с аппаратурой. Подсоединил к компьютеру.

– Ты знаешь, как я отношусь к методу Фолля. Это направление не из сферы моих интересов, – Ксения признавала только традиционную практику, но имела представление и о модных новинках, практикуемых в платных кабинетах.

Метод немецкого ученого Рейнхольда Фолля, взятый Марией за основу лечения, был в общих чертах известен большинству врачей. Он базировался на китайской акупунктуре, гомеопатии, биофизике и микроэлектронике. Используя компьютер, врач снимал биологические показатели с определенных точек стоп и ладоней пациента и фиксировал нарушения в органах, связанных меридианами с этими точками. Диагностика вопросов не вызывала, здесь все было понятно: есть эталон – запись биополя здорового человека, есть исследуемый человек. Его показатели сравнивают с эталоном и назначают лечение. Но большинство врачей скептически относилось к этому ответвлению – опять гомеопатия. Для больных приготавливались заряженные токами соответствующей частоты сахарные пилюли. Прием этих пилюль якобы подавлял патологические колебания в электрическом поле человека. Этот метод еще называли методом биорезонансной терапии.

– Ты знакома с классическим методом Фолля, а я изобрела собственную модификацию Дмитрук Эф. Я не просто провожу диагностику, нахожу патологические частоты колебаний, но указываю и дату атаки, определяю месяц и год инородного вторжения.

– Вторжения? Ты о чем? Инвазия микробов и вирусов?

– Суть не в терминах. Сейчас покажу на примере, дай лапку. Я себя уже протестировала, но моя волновая характеристика близка к эталону, даже неинтересно.

– А у меня ты надеешься найти патологию? – усмехнулась Ксения, неохотно подставляя свою ладонь для сканирования щупом. – Я, между прочим, тоже на здоровье не жалуюсь.

– Ты же знаешь, нет здоровых людей – есть недообследованные!

– Ну вот, сама себе противоречишь! Что ж, обследуй.

– Вот и чудненько, Ксюша. Ты только наберись терпения часа на полтора, мы по полной программе пройдемся.

Ксения застонала и отдернула ладонь:

– Машка, я устала, шесть километров по морозу протопала. Давай хоть кофе попьем. У меня уже в животе урчит.

– Это замечательно. Самые верные результаты получаются, когда мы обследуем пациента натошак. Или хотя бы через два часа после еды. Давай руку, не упрячься.

Мария опутала Ксению проводами, настроила чувствительность прибора на уровень токов Ксении. Затем, нежно касаясь щупом определенных точек ладони своей пленницы, начала обследование.

Процедура была безболезненна для Ксении, но длилась бесконечно долго. Компьютер превращал электрический потенциал кожи в анатомический атлас организма. Попутно Мария кратко комментировала результат: «Сосудистая система в норме. Гинекология – без патологии. В желудочно-кишечном тракте изменений не выявлено». И вдруг обе женщины, глядя на экран, обомлели от удивления. На вершине графического пика, как на древке, полоскалась, перебирая лапами, длинная черная кошка. Только на хвосте ее белели штрихи. Приглядевшись, женщины разобрали в этих штрихах буквы – а из букв сложилось слово «порча».

Ксения отдернула руку от щупов, рассмеялась:

– Машка, ты разыграла меня?

– Извини, я впервые вижу эту дурацкую картинку. Думаю, что это проделка Родиона. Когда я популярно излагала ему принцип и употребила это слово, я просила отметить пик осциллограммы звездочкой. Сейчас же позвоню ему, чтобы он приехал и удалил это безобразие!

Мария взяла мобильник и попыталась вызвать Родиона, но абонент не отвечал.

– Ну, ладно, позже позвоню. А может, так и оставить: «порча»? Как ты думаешь, клиентам понравится?

– Смотря какие клиенты. Но я бы не советовала тебе дискредитировать профессию врача.

– Ты права. Однако факт остается фактом. Сканирование выявило у тебя наличие «комплекса». Анализ осциллограммы показывает, что внедрение его происходило в твою органику и психику не один раз. Один большой пик и несколько поменьше.

– Ты имеешь ввиду психотравмы или соматику, болезни?

– Скорее, продромус, а не событие.

– То есть?

– Сглаз! Порча! И не смотри на меня как на сумасшедшую! Я сама не понимаю, как это происходит. Но я собрала статистику: несчастья не приходят вдруг. Что-то вызывает сбой в организме: чья-то зависть, косой взгляд, недоброжелательность. Щелк – и включается череда твоих бед. Ты заболеваешь или проваливаешься в полосу невезения. И не спорь, что наукой это не доказано. Существует море неизученных фактов, белых пятен. Я столкнулась с одним из них. В общем, мой метод фиксирует дату продромуса, дату психической атаки. Я утверждаю, что существует цепочка из трех звеньев: психическая атака, реальная беда, заболевание.

– Так, так. Я полагаю, что далее упор идет на избавление от болезни?

– Не только. Мы также занимаемся профилактикой. Помогаем избежать новых констелляций, следствий психической атаки. Не будет удручающих обстоятельств жизни – не будет новых синдромов.

– Это фантастика! Скажи еще, что вы вершите судьбы!

– Что ты знаешь о судьбе, столичная жительница! Вот у нас в селе, помню, была одна старуха, ворожила. Кто к ней ходил, мог свою судьбу изменить. Она и сглаз, и порчу умела снимать. Фактически мой прибор в чем-то повторяет эти приемы...

– Хватит, хватит. Да, кстати. Какие даты продромуса ты у меня определила?

Мария нажала кнопку прибора и распечатала осциллограмму на принтере.

– На, держи, на досуге изучишь.

Ксения убрала бумажку в сумочку и засобиравалась домой:

– Ладно, побегу. Никитка с няней заждались.

Баба Проня опять водила Никитку к сектантам, чей молеальный дом находился в ближайшем поселке. Учила ребенка осенять себя какими-то диковинными взмахами, сложив вместе два перста, и петь несурзные псалмы.

– Баба Проня сказала, что, если я не буду молиться, меня Страшный Глаз проткнет. Мама, а где он прячется, Страшный Глаз?

Ксения задумалась. Что за день выдался! Помешались все на сглазе. Второй раз сегодня она о нем слышит. Но ладно она, а Никитку надо бы оградить от этой чуши и поговорить с бабой Проней, чтобы она больше не водила его в свою сомнительную общину. Вот что выходит, когда на случайные руки переключиваешь воспитание ребенка. Надо попросить Жарковского подыскать нормальную няню, а не заикленную на приметах сектантку. Ксения с грустью погладила сына по голове. Мальчик был крепенький, розовощекий, сходство с отцом было несомненным, даже брови вздымались галочкой. Но не внешность сына тревожила Ксению: а ну как и психика папочки тоже передалась мальчику по наследству? Уже в этом возрасте с ним сладу нет, а что будет дальше? Да еще эта няня мозги засоряет. Один плюс, болеть перестал, как из садика взяли.

– Пойдем ужинать. Я тебе что-то вкусенькое принесла. Поедим и чуть-чуть поиграем.

Мальчик знал: речь идет о занятиях музыкой. Но если в городе, на настоящем пианино, он учился без принуждения, заниматься на картонной клавиатуре ему было скучно.

После ужина Никитка захотел увильнуть от урока, но Ксении удалось уговорить ребенка, пообещав ему рассказать на ночь новую сказку.

– Про Страшный Глаз, – Никитка снова вспомнил рассказы няни и захотел услышать подробности от мамы. – Про Страшный Глаз!

Четверть часа мальчик барабанил пальцами по нарисованным клавишам. Потом вдруг сбросил картонку на пол и вскочил со стула. Пришлось Ксении отправить его в кровать. Сын не забыл о ее обещании рассказать сказку. Чтобы отвлечь его от примет и страхов, прививаемых няней, Ксения решила рассказать сыну греческий миф о циклопах: неотесанных сыновьях Урана и Геи, одноглазых кузнецах-великанах. Она поведала ребенку о том, что циклопы были заключены в подземелье своим отцом и освобождены оттуда Зевсом. Но вместо благодарности освободителю они наслали на него молнию и гром.

Сын в страхе жмурился, воображая себе одноглазых великанов, и одновременно надеялся, что все должно закончиться хорошо – ведь это всего лишь сказка. Только одного он не мог понять: почему выходило, что Страшный Глаз убивал тех, кто его спасал. Как это несправедливо! Вскоре он задышал глубоко и спокойно, и Ксения поняла, что ребенок заснул.

Ксения вымыла посуду, зашила порванную курточку сына, вскипятила воду, чтобы помыть голову. Горячей воды в санатории уже несколько дней не было, потому что все коммуникации были ветхие и то и дело случалось аварии. Когда она управилась с делами, был двенадцатый час. Забравшись под одеяло, Ксения вдруг поняла, что весь вечер пыталась выкинуть из головы сомнительный диагноз, вынесенный ей по методике Марии. «Сглаз – чушь какая-то! Кстати, – подумала она, – я, как и Никитка, не понимаю, почему люди бывают неблагодарны, почему за добро платят злом». Вспомнила Ксения и дату, стоящую на графике под самым большим пиком, хотя в тот момент едва бросила взгляд на бумажку. В девять лет – первая атака. Кто мог тогда желать девочке зла? Ксения закрыла глаза. События повседневности отходили на задний план, пропускали вперед редко всплывающие в памяти картины детства.

Всплыл перед закрытыми глазами огромный серый дом с колоннами, высокой аркой над воротами и фонтаном перед фасадом – угловой дом на набережной Карповки, дом номер тринадцать. Может, все дело в этом злосчастном номере? Хотя дом когда-то считался элитным, самым заметным на Аптекарском острове – острове медиков и аптекарей еще с петровских времен. Был он построен в стиле вычурного конструктивизма и заселен видными деятелями искусства и науки. Позднее, благодаря заслугам отца в области медицины, они тоже въехали в этот дом. Память вела Ксению мимо фонтана, через фигурную ограду двора, к знакомому подъезду. Не зачуханная проблемами женщина, не врач, не мать-одиночка, – счастливая девочка Ксюша прыгала через ступеньки, взлетала по ступеням вверх, на свой пятый этаж.

У Ксюши были замечательные мама и папа. Папа работал научным сотрудником в НИИ гриппа, до его работы было рукой подать – район был средоточием медучреждений. Папа считался светилом в своей области. Мама, тоже врач по образованию, в тот момент не работала, занималась воспитанием дочки и домом. Ксюша не знала отказа ни в чем, но это не сказалось на ее характере, не превратило в избалованную капризулю. Одного укоризненного взгляда отца было достаточно, чтобы пристыдить ее за неприглядное поведение. Мама, в свой черед, умела объяснить, что такое хорошо и что такое плохо. Ксюша принимала ее точку зрения, как свою. Уже тогда у девочки развилось замечательное качество, плюсы и минусы которого она постигла всю дальнейшую жизнь: девочка все стремилась сделать на высшем уровне. И школьные уроки, и задания по музыке, и даже трудно дающееся ей рукоделие. В то время на школьных платьях еще носили белые воротнички, и Ксюша порой по три-четыре раза перешивала и отпарывала злополучный белый лоскут. Ей было неизвестно, что ночью, когда она уже спала, мамыны руки переделывают ее работу.

Ксюша выделялась среди второклассниц. Форменное платьице сидело на ней безукоризненно, так как было сшито в ателье на заказ. Лаковые черные туфельки вместо растоптанной «сменки». Ранцы и рюкзаки – особенные, с картинками и наклейками: в магазинах такие не продавались – папа привозил их из загранкомандировок. Две длинных, толстеньких косички с коричневыми бантиками на концах – на груди пылала яркая октябрятская звездочка с кудрявой головкой маленького Ленина. Такая ученица замечательно смотрелась бы на трибуне какого-нибудь съезда, приветствуя его делегатов. Но у Ксюши был негромкий голос, а потому разные выступления поручали другим детям. Зато ею восхищались одноклассники: девочки и мальчики. В силу малого возраста дети еще не научились завидовать, просто чувствовали гармонию и красоту. Училась Ксюша на одни пятерки, но при случае принимала участие в общих проделках. Пару раз ее даже выставляли из класса за неуместный смех на уроках. Оба раза они смеялись вместе с Алинкой, ее лучшей подругой и соседкой по парте.

Алина происходила из социальных низов, но девочки еще не чувствовали бездны расслоения. Алина жила с мамой в общежитии трамвайного парка. Ее мама, Роза Анатольевна Первотайская, работала вагоновожатой, это про нее писал поэт Маршак: «Мамы разные нужны, мамы разные важны». Но у Розы Анатольевны широкого выбора – кем стать – не было: она выросла в детдоме и нуждалась в служебном жилье и хорошем заработке. Хотя сама женщина родительской заботы не знала, для своей дочери она старалась быть хорошей матерью: выпивала редко, девочку не била, обходилась тычками и шлепками и не забывала раз в неделю проверять школьный дневник. К сожалению, ласковых слов Роза Анатольевна произносить не умела, тон ее общения с дочкой был суховат, даже резок. Но даже этого сдержанного общения с матерью Алине не доставало, потому что у вагоновожатой был скользящий график работы. То женщина задерживалась на маршруте до середины ночи, то уходила ни свет ни заря, то отсыпалась целый день. Сердобольные товарки в общежитии кормили девочку, порой спрашивали про уроки. Для уроков условия у Алины были неважные: за тонкой перегородкой часто играла оглушающая музыка, слышались пьяные крики и смех – дни рождения в общежитии справлялись бесконечной чередой. Но Алина оказалась смысленной и ответственной девочкой. Она очень старалась, училась без троек и жаждала заслужить в школе похвалу, которой так не доставало дома. Учительница была равнодушна к успехам этой неряшливо одетой, непричесанной и не всегда умытой девочки.

Позднее Ксения стала понимать, что семьи ее одноклассников были разные, благополучные и не очень, дружные и неполные. Но о том, как трудно приходилось ее подруге в те первые школьные годы, она не задумывалась. Гулять Ксению выпускали только во двор, под своими окнами, не разрешали ходить по чужим домам и квартирам. Но ограждать ребенка от общения с «бедными» в те годы было не принято, потому-то Алина и сумела прибиться к Ксюше.

Из тех счастливых ранних лет Ксения мало что запомнила – лучше помнятся беды. Разве что свои попытки отвоевать свободу передвижения хотя бы в пределах района. Иногда с подначки Алины и без ведома родителей Ксюша отправлялась через оживленный проспект в Ботанический сад. Каждый ребенок стремится в запретное место. Эти тайные вылазки были единственными прогрешениями ее детства.

Что же могло случиться в том далеком году, отмеченном знаком черной кошки на дурацкой осциллограмме ее жизни? В ноябре у Ксюши был день рождения, ей исполнилось девять лет. Надежда Владимировна созвала подружек дочери и устроила праздничный утренник. Это был первый день рождения Ксюши, отмечаемый без взрослых: мама была не в счет, а папа на работе. Мама испекла детям сладкий пирог, купила фруктов и подготовила викторину. Вопросы были не из школьной программы: про городские улицы, памятники, писателей и композиторов, (многие девочки, как и Ксюша, обучались музыке). Призы получили все. Даже Алинку, не ответившую ни на один вопрос, наградили коробкой фломастеров. Надежда Владимировна полагала, что девочке из малоимущей семьи надо сделать полезный подарок. Но

утешительный приз оставил девочку равнодушной. Алина не могла отвести взгляда от первого приза – сверкающей золотистой фольгой короны, надетой на голову самой имениннице. Ксюша получила корону вполне заслуженно, она дала правильные ответы почти на все вопросы. Но Алина не могла смириться с таким раскладом. Когда мама Ксюши вышла на кухню, Алина подскочила к имениннице и с криком: «Ненавижу! Ненавижу!» – сорвала корону с ее головы. Может, причиной ее взрыва было общее нервное возбуждение, царящее на празднике, или она просто не доспала в этот день: всю ночь в общежитии, за стеной буянили соседи – но девочка повела себя безобразно. Мама Ксюши прибежали на рев подружек. Всхлипывала ее дочка, размазывая по лицу слезы, редела Алинка, испуганно глядя на разорванную пополам, картонную, сверкающую мишурой корону. Надежда Владимировна кое-как сгладила ситуацию, отвлекала девочек на другие забавы, и праздник продолжился.

Сейчас, в дымке полусна, вспоминая этот случай, Ксения напрягла память, пытаясь проследить возможную цепочку событий. Мария сказала ей, что график указывает даты психической атаки, но неприятности приходят позже. И тут она припомнила. Да! Было событие, тогда показавшееся ей трагедией. Через три месяца, в конце зимы. В секции фигурного катания, куда ее водила мама, проходили ежегодные квалификационные соревнования. Ксюшу забраковали, отчислили из секции, закрыли дорогу в большой спорт. Как она тогда редела! По теории Марии выходит, что злобная выходка маленькой Алинки каким-то образом обеспечила поражение Ксюши на соревнованиях. А кто тогда был виновен в иных срывах и неудачах, нет-нет и случавшихся в жизни Ксении? Никогда впоследствии Алинка не нападала на нее, ни жестом, ни словом. И других врагов у нее, кажется, не было. Ксения честно старалась вспомнить что-то существенное, быть может, самое важное в ее жизни. Обрывки каких-то сцен и незначущих разговоров всплывали в ее памяти, увлекая в глубины прошлого. Наконец, сон сморил ее окончательно.

Снились Ксении молодые родители на каком-то вокзале. Она сама, по своему ощущению, была девочкой. Папа на перроне почему-то фотографировался с Алинкой, облаченной в белый школьный фартук. Потом на перрон высыпала целая гурьба девочек в белых фартуках. И они заслонили отца, уже оказавшегося в поезде. Мама была тут же: она, болтая ногами, сидела на крыше вагона. Сама Ксюша никак не могла найти билета, ее не пускали в поезд. Всплывали еще какие-то люди из ее детства и отрочества, соединенные болезненными конфабуляциями – фантазиями разбуженной памяти. Мозг продолжал искать источники бедствий в жизни Ксении, но уже общался со своей хозяйкой на языке символов и шифров.

Наутро Ксения не помнила ни одного из своих снов.

2

Алина в последнее время спала очень мало. Работа юриста на новом месте оказалась неожиданно беспокойной. Алина думала, что в ее обязанности будут входить составление договоров и проверка подлинности всевозможных документов. Но от нее потребовалось совсем иное. Что ж, деньги зря нигде не платят – а платили ей по высшему разряду. Консалтинговой фирмы, где она теперь служила, в деловых кругах побаивались. За глаза ее называли рейдерской, то есть захватнической. Действуя на грани закона, ее специалисты подводили то или иное предприятие, завод или земельный участок к вынужденной продаже. Этим деятелям в деловых кругах дали зловещее прозвище «санитары леса», потому что слабые владельцы теряли в неравной схватке все. Бесхозная, государственная собственность захватывалась с еще большей легкостью.

Поначалу Алина приводила в юридическое соответствие бумаги на незаконно выстроенные там и сям пристройки, ларечки, оттяпанные от ничейной земли территории. Но теперь их фирма получила выгодный заказ от крупной столичной корпорации на захват санатория в Ленинградской области. Главу корпорации, Александра Руста, Алина видела дважды. Мельком, на переговорах. Тогда он сразу произвел на нее впечатление своим уверенным видом. Этой своей уверенностью он как бы отметал другие, индивидуальные черточки. А, возможно, их просто не было – правильное, как на плакате, лицо, средней упитанности фигура, безупречно сидящий серый костюм. Пожалуй, только престижную торговую марку этого костюма и запомнила Алина. Потом состоялась еще одна встреча. Перед возвращением в столицу Александр Руст выразил желание посетить балет в Мариинском театре. Алине выпала честь сопроводить его.

Они оказались в ложе почти одни, охранники были не в счет. Зал был забит битком, как всегда бывает на «Лебедином озере». Перед спектаклем Алина, не глядя в программку, весьма подробно изложила сюжет, поразив олигарха своей эрудицией. (Не прошло бесследно общение с Ксенией.) Он, в свою очередь, разглядывал публику, отмечал известных лиц, один-два раза с кем-то поздоровался кивком головы. С Алиной держался вежливо, но отчужденно: она была для него лишь юристом. Кроме того, ее слегка косящие глаза исключали ее из претенденток на близость. Вскоре свет в зале погас, оркестр заиграл увертюру. Затихли покашливание, перешептывание, скрип стульев, шорох программ. Алина хорошо знала этот балет, но сейчас ей было не до Зигфрида, чьи обтянутые трико крепкие ноги прежде неизменно волновали ее. Она размышляла, как ей очаровать Александра Руста. Алина давно постигла истину: мужчины падки на комплименты не менее, чем женщины. Но поскольку у них мозги включены чаще, чем сердце, делать это надо с умом. К антракту у нее был готов план.

Занавес опустился. Зрители чинно прошествовали в фойе. Общий интерес был направлен на многочисленные кафе и буфетные стойки. Александр и Алина присели за один из столиков. Алина села наискосок, умело маскируя разбегающиеся глаза. Охранник Руста принес два бокала шампанского – для хозяина и его дамы.

– За гостеприимных петербургских дам! – произнес тост вежливости Александр.

– За президента России! – встряхнула шоколадными волосами Алина.

Александр удивленно взглянул на спутницу. Тост показался ему несколько неуместным.

– За президента России Александра Руста!

Руст непроизвольно оглянулся, не слышал ли кто эти слова. Откуда Алина узнала о его тайных мыслях? Он и в самом деле подумывал штурмовать президентский Олимп, но только в очень узком кругу знали об этих намерениях.

– Ради Бога, Алина. Тише, пожалуйста. И скажите, как вы пронюхали... узнали о моих планах?

Алина ликовала. С первого, случайного выстрела – попасть в мишень! Она загадочно улыбнулась, обнажив безупречные, ухоженные дорогими стоматологами зубы.

– У вас все получится!

Они выпили шампанское.

В оставшееся до конца антракта время Алина успела похвалить и стратегический ум Александр Руста, и его золотые запонки. Заметила, что ныне только истинные аристократы скрепляют ими рукава рубашки. Даже вымучила из себя комплимент его внешности. При внимательном взгляде Александр разочаровывал еще больше: лицо землистое, глаза водянистые, невыразительные, губы едва очерчены. Снова Алине пришло на ум сравнение с мужским портретом, нарисованным неумелой ученической рукой: ни характера, ни возраста. Но вслух Алина произнесла:

– У вас необыкновенно мужественная внешность, как у агента 007.

Руст несколько не походил на известного исполнителя кинороли, почти красавчика, но было в его лице то, что принято приписывать разведчикам и агентам – обыкновенность, отсутствие ярких примет.

– Вы мне льстите, Алина. Никогда красотой не отличался, – скрывая довольную, тщеславную улыбку, отозвался Руст. – Нам пора. Уже прозвенел второй звонок.

Выход в театр остался единичным эпизодом в их отношениях. Но Алине удалось высветиться перед Рустом, зацепить его внимание, и она надеялась на продолжение. Пока же Руст уехал домой, в Москву, а Алина с удвоенной энергией продолжила шпионско-юридическую работу в приговоренных к банкротству фирмах.

Никаких угрызений совести по поводу своей деятельности Алина не испытывала. По ее мнению, нынешние хозяева предприятий были ничуть не честнее тех, кто притязал на их собственность. Но работенка была не из легких.

В ближайшие дни Алине предстояла поездка в санаторий «Волна», на побережье Финского залива. В другой раз, будь на дворе лето, Алина обрадовалась бы возможности совместить полезное с приятным: поваляться на мягком песочке, погреться на солнышке, покупаться в освежающе прохладной воде. Но, сейчас, в морозном марте, ничего интересного в этом санатории ее не ожидало. Залив под толстым слоем льда и снега, еда, должно быть, ужасная, контингент – престарелые льготники. Никаких развлечений. Правда, ехать она должна с напарником. Оба должны обосноваться в санатории, прикрывшись легендой малых арендаторов, но у каждого будут тайные задачи. Напарник должен следить за контактами нынешнего руководства, тайно изымать и копировать документы и заниматься прочей мелочевкой. Задача Алины – отыскивать в бумагах сомнительные пункты и нестыковки, чтобы в дальнейшем использовать их на суде. А иногда и без суда и следствия – как получится. Подыскать напарника Алине предстояло самой, сообразуясь с профилем захватываемого заведения. А помощница для мелких поручений у Алины была готовенькая: именно в этом санатории работала ее родная бабушка.

В поисках напарника Алине пришлось мысленно перебрать всех своих знакомых, вернее тех, кто не имел дурацких предрассудков и старомодной морали, а также не чурался любых средств, если задача того требовала. Мысль ее остановилась на Вадике Кривоносе. Он был мужем подруги ее детства, Ксении. В последние годы с Ксенией они встречались считанные разы, а с Вадиком – почаще. Тот поставлял Алине разные биодобавки, до которых та была большая охотница. Вот эти биодобавки и можно было использовать в качестве прикрытия для их деятельности в санатории.

Еще до того, как Вадик женился на подруге, Алина встречались с ним. Они были близки непродолжительное время, но о браке вопрос не стоял. Вадик и Алина были слишком одинаковы, для того, чтобы создать пару. Оба искали выгодную партию, оба не имели нормального жилья, и с деньгами у обоих было напряженно. Постепенно их отношения перешли на

дружеские рельсы, но воспоминание о близости придавало особую окраску отношениям. Они охотно жаловались друг другу на начальство, клиентов, перемывали косточки общим знакомым. Вадик не упускал случая облить грязью Ксению, Алина кивала, поощряла его рассказы и втайне радовалась чужим неприятностям. В свою очередь она кокетливо заверяла, что устала отбиваться от поклонников, падких на ее красоту.

Любая женщина выглядит почти красивой, если следит за собой. Это когда-то в детстве Алина была низкорослой дурнушкой с веснушками во все лицо, с куцыми соломенного цвета волосами над глубоко посаженными, слегка косящими глазами. Сейчас она выглядела иначе. Лицо покрывал в меру ровный загар, приобретенный в солярии, волосы – модного коньячного оттенка, густые, наращенные в салоне красоты ресницы маскировали разбегающиеся по сторонам зрачки. Обувь на высоченных каблуках, компенсировала малый рост. Алина всегда носила только юбки и платья: знала, что брюки выдадут ее коротковатые ноги. Вся одежда на ней была добротная, качественная, модная – из самых дорогих бутиков.

Алина позвонила Вадиду раз, другой, и, наконец в субботу застала его дома.

– Привет, Вадик! Вы где все пропадаете? Ни тебя, ни Ксении. Никто не берет трубку. Я думала, у вас телефон изменился.

Вадик только что выписался из психоневрологического института, – пролежал там почти два месяца. Поскольку попал в поле зрения психиатров впервые, за больным наблюдали особенно тщательно. Врачи расходились в диагнозе. Одни настаивали на паранойе с бредом ревности, другие предполагали психопатический акцент, но пролечили по полной схеме, уколами и таблетками, превратив Вадика в смиренную овцу. Выпустили на волю с напутствием соблюдать режим и в случае новых обострений обращаться за помощью в соответствующий диспансер.

– Да, вот. В-вернулся. Вчера вечером. Реально, в командировке был, – Вадик говорил чуть запинаясь, на ходу придумывал объяснение своего отсутствия. Ни в коем случае не следовало упоминать о своем лечении: люди боятся психов. Впрочем, он себя таковым не считал.

Алина на другом конце телефонной линии не уловила смятения Вадика.

– А Ксюха где?

– Отвалила к отцу, реально, в Америку.

– С сыном?

– Да.

Вадик вчера успел обзвонить всех родных и знакомых, но никто ничего о Ксении не слышал. Она и в самом деле могла оказаться в Америке. Впрочем, у него не было больше настроения разыскивать ее. Таблетки сделали Вадика вялым и равнодушным. Теперь надо было думать, как жить дальше.

– Слушай, Вадик, а как у тебя сейчас с работой? Могу предложить кое-что вкусненькое.

– Что именно? – слегка оживился Вадик. Он потерял работу, так как не решился представить в прежнюю фирму документ из психбольницы, чтобы оправдать свое двухмесячное отсутствие: предпочел прикинуться раздолбаем, безответственно относящемся к работе, чем прослыть психом.

– Это не телефонный разговор. Приезжай ко мне.

– Лучше ты ко мне, реально, – Вадик чувствовал себя слабым и потому не решился ехать на дальнюю окраину, где жила Алина. Метро, трамвай, автобус. Везде толчея – жуть. Его собственную машину, брошенную на произвол судьбы во дворе, угнали.

Алина не возражала. На машине от ее дома в элитной новостройке до дома Ксении и Вадика на набережной Карповки – минут двадцать. Алина хорошо знала этот дом – все детские годы были окрашены пребыванием в квартире у Ксюши. К тому же, Вадик был сейчас один, и это слегка возбуждало Алину. Уже несколько месяцев у нее не было мужчины, так как работа не оставляла времени на устройство личных дел.

Десять лет назад, когда Алина только окончила институт, она вышла замуж за отпрыска дворянского рода по фамилии Оболенский. В то время как раз пошла мода на голубую кровь, и благородные корни. Будущий муж похвалялся своей родословной на каждом перекрестке. Алина сразу проявила завидную инициативу: ей всегда хотелось войти в аристократическую семью. Она видела, что молодой аристократ инфантилен, неряшлив, неприспособлен к жизни, но рассчитывала со временем воспитать его. Будущая свекровь согласилась на этот брак, так как не справлялась с отбившимся от рук сыном: он пьянствовал, куролесил, не учился и не работал. Они жили вдвоем, и немолодая женщина опасалась за свою судьбу, за подступающую старость – от родного сынка стакана воды не дождешься. Невестка оказалась ей приемлемой партией для родного оболтуса: с высшим образованием, деловая, не вертихвостка. Помимо дворянской родословной свекровь подарила молодым на свадьбу квартиру, оставленную ей собственной матерью по наследству. Были и другие плюсы. В те годы предприятия разваливались, в стране свирепствовала безработица, и у Алины, начинающего юриста, не было шансов найти достойную работу. Благодаря свекрови, главному бухгалтеру, девушка получила хорошее место в финансовой компании, что и стало первой ступенькой ее дальнейшего профессионального подъема.

С мужем, так и оставшимся маменьким сынком, отношения у Алины не складывались. И бытовые неурядицы, и нежелание мужа трудиться сыграли свою фатальную роль. Этот мальчик продолжал скакать по дискотекам, глотал веселящие таблетки и только числился студентом какого-то частного вуза. Алина старалась повернуть ровесника-мужа в правильное, семейное русло. Но тот уже погряз в безделье и выбраться из него был не в состоянии. Однажды Алина купила бутылку коньяка и накрыла по-праздничному стол. Она думала, что со спиртным легче найдет к мужу подход. Как всегда, начала учить уму-разуму. Они поругались. Ночью он обмочился. Это стало повторяться. Вначале муж мочился в постель после выпивок, потом – после любой ссоры, будто делал это ей назло. Она еще больше его шпыняла и даже начала поколачивать. Впрочем, она уже была беременна и плохо контролировала себя. Муж в конце концов сбежал к родителям, а Алина вскоре родила нежизнеспособную девочку с водянкой мозга. Ребенок вскоре умер. С тех пор Алина не выходила замуж. Она была по-своему самодостаточна и больше не желала видеть рядом с собой бездельных слизняков. Она часто меняла сексуальных партнеров, приближая мужчин или давая им отставку.

Алина больше всего ценила свободу и деньги. Она несколько раз сменила работу, подписывая контракты на все более высокие оклады. И вот теперь она направлялась к другу юности и своей «оборванной песне» – Вадиму Кривоносу.

Сейчас она думала не о нем. Дом тринадцать на набережной Карповки разбудил совсем другие воспоминания. Десять школьных лет она ходила сюда, десять лет страданий и унижений.

Ксюше Королёвой и в страшном сне не могло присниться, что ее лучшая подруга Алинка Первомайская зажигалась черной завистью каждый раз, когда приходила к ней в гости. Именно здесь, в этой чистой, просторной квартире, а не у себя в перенаселенном общежитии Алина Первомайская чувствовала себя несчастной и обездоленной.

Алина с трудом училась нужному в обществе стилю поведения. Конечно, и другим детям было нелегко приспособиться к требованиям школы. Но в их арсенале было больше средств: и извинения, и просьбы, и выдержанная настороженность, и затаенное ожидание подходящего момента. Алина вынесла из общежития одно мгновенно действующее правило разрешения конфликтов: горло и кулаки. Учительница ей попалась строгая: она умела пресечь истеричные выходы и выставить крикунов и драчунов в смешном свете. Насмешки сверстников – страшное оружие. Вскоре Алина прекратила драться и кричать. И не только в школе, но и в тех домах,

куда ее приглашали – где жили ее новые подружки-одноклассницы. Безобразная выходка с порванной короной на дне рождения у Ксении была последней из этого ряда. Мама Ксении пригрозила, что больше не позовет девочку в гости, если та не попросит прощения. Алина, потупив глаза, пообещала, что больше так не будет. Ей нравилось в этом доме. Нравилась игрушки и вкусная еда за столом, нравился папа Ксюши, изредка заглядывающий к девочкам в комнату. Только сама Ксюша казалась здесь лишней. Алине хотелось оказаться на ее месте.

К третьему классу Алина выровнялась: вела себя примерно, училась старательно. Но добиться похвалы от учительницы ей не удавалось. И упражнения она делала правильно, и примеры решала, и рисовала неплохо. Учительница равнодушно ставила ей скромные четверки, только иногда расщедриваясь на пять. Зато стоило Ксюше выйти к доске и сказать хоть слово, восторгам учительницы не было предела. И «наша звездочка», и «умница», – и как только она ее не называла! И всегда ставила пятерки, хотя Ксюха, по мнению Алины, отвечала ничуть не лучше ее самой. Алина недоумевала: как же так, она все делает, как велят, а никто не замечает ее стараний. Однажды девочка пожаловалась матери на несправедливость учительницы, на то, что та выделяет Ксюшку, а ее, Алину, не любит. Роза Анатольевна, за смену поистрепавшая нервы, раздраженно ответила:

– Таким, дочка, законы не писаны. Для них всегда зеленый свет горит.

– Мам, я тебе про Ксюху говорю, а ты о ком?

– И я про нее. Кто на ремонт класса больше всех денег выделил? Кто учительнице дорогое лекарство достал? Королёв! – Роза Анатольевна выложила все факты и сплетни, шепотком расходящиеся среди родителей.

– Так это же папа ее сделал, а учительница хвалит Ксюху.

– Потому и хвалит, доченька.

– Я ведь стараюсь, все уроки делаю, – пыталась доискаться причины нелюбви к ней учительницы маленькая Алина.

– Уроки уроками, – вздохнула мама, – а ты подластись к учительнице. Тетрадки помоги раздать или доску вытри. В нашем положении гордиться не приходится.

Девочка не все поняла из слов матери, но совет почаще помогать учительнице взяла на вооружение. Результат превзошел ее ожидания. Теперь Алина первая бежала намочить тряпку, принести мел, открыть перед учительницей дверь. И, о счастье, учительница все чаще благодарила девочку и награждала ее поощрительной улыбкой. Вскоре Алину назначили звеньевой, в шестом классе она уже возглавляла пионерский отряд и заседала на всех школьных советах. Но еще более, чем свои посты, ценила Алина дружбу с Ксенией. Сияющий ореол девочки из благополучной семьи бросал и на нее, Алину, свой скромный отсвет. Хотя Ксения пионерской работой не занималась, у девочек было много других общих интересов.

Обе много читали, упражнялись в диалогах на английском языке. Дефект с прикусом, заставляющий Ксению присвистывать в разговоре, в английской фонетике сыграл добрую роль. Она, единственная в классе, легко справлялась с трудным английским «th», которое русские школьники озвучивали как «с» или «т». Однажды на уроке английской учительница рассказывала ребятам о государственном устройстве Великобритании, об английской королеве. Мальчик с последней парты написал записку, начинавшуюся словами: «Ксения, моя королева!» – и послал ее по рядам. Письмо по ошибке попало к Алине и вскоре его содержание стало всеобщим достоянием. Тогда Ксюша всерьез обиделась на подругу. Но Алина и сама уже кусала локти. Прозвище «королева» прочно приклеилось к Ксении, еще более возвысив ее в глазах класса... Это стало еще одним поводом для зависти Алины к подруге.

Обе девочки хорошо учились, порой Алина даже обходила Ксению. В седьмом классе завоевала первое место на олимпиаде по истории, а Ксюша – только третье. Но в одном не могла

Алина сравниться с подругой: королеву ребята любили и считались с ее мнением, а Алину игнорировали, называли выскочкой и подлипалой.

Особенную зависть вызывала у Алины толстая коса Ксении – мама отращивала ее дочке с раннего детства. Саму Алину до школы мать остригала почти наголо, оставляя лишь маленькую челочку на лбу – так было легче соблюдать гигиену, не тратя много времени на ребенка. Да и сейчас, когда девочка сама следила за своими волосами, выглядели они куце, суховатой соломой торчали во все стороны, едва прикрывая уши. Но эта несправедливость скоро была ликвидирована. Однажды Ксения перенесла тяжелый грипп и у нее стали выпадать волосы. Косу пришлось отрезать, девочке сделали аккуратную короткую стрижку. Но с косой или без косы, с пятеркой или со случайной тройкой, «королева» по-прежнему держалась с неизменным достоинством.

Когда Ксения лишилась своей косы, Алина воспряла духом и даже почувствовала легкое превосходство над подругой. В этом году Алина заняла главный пионерский пост в школе, стала председателем совета дружины. Но, если в школе она поднялась на общественный Олимп, то дома, в общежитии, все оставалось неизменным. Как прежде, в быту между Ксенией и Алиной пролегла пропасть. У Ксении была своя просторная комната, у Алины – раскладушка, на ночь буквой «Г» приставляемая к маминной кровати. Остальное пространство в их маленькой восьмиметровой конуре занимал платяной шкаф с нагроможденными на него до потолка коробками и обеденный стол, служивший Алине письменным. Ночью по нему бегали тараканы. К себе в общежитие Алина подруг не приглашала.

Все было иначе в квартире Королёвых. Помимо Ксюшиной комнаты, еще две имелись у родителей. Была и похожая на королевскую (как себе представляла Алина), отделанная розоватым кафелем ванная комната. Иногда, когда Надежда Владимировна уходила по своим делам, Алина с разрешения Ксюши забиралась в ванну. Погрузившись в невесомость, в теплую, голубоватую от морской соли воду, Алина не столько радовалась, сколько печалилась и завидовала подруге. Если бы у них с матерью была такая ванна. Она мечтала, что когда вырастет, тоже поселится в такой замечательной квартире и будет сколько угодно плескаться в такой же чудесной ванне. Ксения стучала в дверь, поторапливала Алину. Ей было скучно без подруги. Называется – пришла в гости и оставила хозяйку одну. Алина вылезала из ванны распаренная, розовая, сушила феном куцые, редкие волосенки. Плохое, нерегулярное питание сказывалось – обычно ее волосы были похожи на слежавшуюся солому. После мытья дорогим шампунем волосы девочки приобретали живой блеск и пушистость. Тогда продолговатое, огурцом, лицо Алины становилось ясным и почти привлекательным: даже косившие глаза не портили его – казалось, девочка слегка кокетничает. Возвращаясь домой, Надежда Владимировна замечала грязь и волосы на дне ванной, но молчала. Только после ухода Алины мать Ксении заставляла дочку убрать за гостьей и советовала сказать подруге о необходимости смывать за собой грязь. Но Ксении было неловко заводить разговор на эту тему – и все продолжалось по-прежнему. Однажды Надежда Владимировна не выдержала и указала Алине на неряшливость, полагая, что кто-то должен девочку воспитывать. Она сделала замечание очень тактично, что-то сказала про трубы, которые могут засориться. Алина вспыхнула, и ее так розовое после ванны лицо стало пунцовым. Она молча склонилась над ванной, смывая свои злополучные рыжие волоски, с силой терла губкой чужие, застарелые пятна, перенесла свою ненависть на ни в чем неповинную эмаль. Предательские слезы падали на дно сверкающей чистотой ванны, когда Алина клялась, клялась себе, что никогда, никогда больше, не придет в этот дом.

Но проходило время, Алина забывала пережитое унижение, и вновь девочки сидели рядом на диване в комнате Ксении, поджав под себя ноги. Очень часто они вместе готовились к занятиям, брали близкие темы для своих рефератов, обсуждали эпоху, героев, государственное устройство – и только потом углублялись каждая в свою часть. К их услугам была и большая библиотека семьи Королёвых.

Как-то, когда они были уже в восьмом классе, Алина оторвалась от своих бумаг и спросила у подруги:

– Ты кем хочешь быть? Врачом, как родители?

– Ну, какие они врачи. Отец наукой занимается, мама давно уже забыла, чему ее учили в институте. Я собираюсь посвятить себя музыке, концертировать по миру. Так что, если пройду конкурс в консерваторию..

– Ты везде пройдешь, если что не так, отец подтолкнет.

– Если бы я шла по его стопам, возможно, – не стала спорить Ксения. – А ты выбрала профессию?

– А я уже решила. Пойду на юридический.

– А потом? Прокурором, адвокатом?

– Вот еще, буду я преступников защищать. И прокурором страшно, им осужденные отомстить могут. Мама говорит, можно сидеть юристом-консультантом и ничего не делать. У них в трампарке такой баклуши бьет, а деньги ему сами капаят.

– Так уж ничего не делает? Быть такого не может!

– Во всяком случае, с маминой работой не сравнить. У нее знаешь как давление подкакивает, когда перед носом трамвая какой-нибудь мудака выскакивает!

Ксения поморщилась. Хотя Алина вполне владела литературной речью, словечки, в детстве подцепленные в общаге, глубоко укоренились в подкорке.

– А она не может сменить работу?

– Из парка уйти нельзя. Нам скоро должны квартиру дать, общежитие наше расселяют. Но ей обещали, что переведут в диспетчеры, как только место освободится.

Общежитие действительно расселили, а впоследствии на месте неказистого казенного здания выстроили новый элитный дом. Обитатели общежития были довольны: пусть на окраине, но они тоже получили отдельные квартиры. Алина с матерью заимели однушку и переехали в отдаленный район с говорящим названием «озеро Долгое» – добираться туда было долго и затруднительно.

С переездом Алины дружба девочек не прервалась. Хотя теперь ее дом был далеко от школы, она оставалась с классом до самого выпуска. Переехав в новую квартиру, Алина не стала радостнее. Замкнулась в себе, стала более сдержанной, а временами просто угрюмой. Она и теперь не приглашала к себе Ксению, потому что в их семье появился новый человек – отчим, а жили они все в одной комнате.

Теперь еще больше времени Алина проводила к доме подруги. Как-то они втроем, Ксюша, ее мама и Алина, сидя за столом, заговорили о всеобщем развале: о сломанных телефонах-автоматах, о разбитых окнах в подъездах, о появившихся во множестве бомжах. Ксюша пожаловалась, что у нее в школе уже украли вторые кроссовки. Ну как можно красть у товарищей! Ее мама заметила, что это, наверное, уличные воришки – в школах тогда еще не существовало охранников.

– Ничего подобного! – резко возразила Алина. Это свои. Что они – святые? Я сама видела, как семикласска в гардеробе по карманам шарил.

– И ты его не остановила? Не отвела за руку к директору? Кто это был?

– А зачем мне ввязываться? – по-взрослому пожалала плечами девочка. – Да сейчас все воруют. Помню, когда мы в общежитии жили, на кухне ничего нельзя было оставить. Все подметут.

– Я тебя не понимаю. Ты что, оправдываешь воришек? – изумилась Ксюша.

– Я не оправдываю. Я говорю вообще: все воруют. Мама жаловалась, весь трампарк растаскивают на кусочки. А по телевизору показывали узбекское дело, потом этот, директор рыб-

ного магазина в Москве. А теперь и Горбачев призывает брать инициативу в свои руки – кто смел, тот и съел.

Надежда Владимировна покачала головой. Переубедить Алину было невозможно – девочка посещала не только общеобразовательную школу, проходила вместе с матерью школу выживания. В представлении девочки жизнь была жесткой и холодной и за свое место под солнцем следовало бороться.

Очень редко Алине удавалось видеть отца Ксении, и каждый раз она испытывала острую зависть, наблюдая, как тот с доброй иронией наставляет свою дочь. Иногда Игорь Андреевич занимался с обеими девочками. Особенно ценной была его помощь по химии. Его научные работы в области иммунной системы перекликались с органикой, и он рассказывал много интересного. Сразу становилось ясно, как проходят те или иные реакции, как создаются новые вещества. В такие минуты у Алины не было желания более острого, чем иметь такого же отца: умного, образованного, интеллигентного.

Отчим, претендующий на звании папаши, сравнения не выдерживал: всегда под мухой, неряшливый, дурно пахнущий. Он заявлялся в их новую однокомнатную квартиру и плюхался на Алинин диванчик. Мама с вызовом, маскируя смущение, отправляла Алину с учебниками на кухню. Но Алина в такие дни предпочитала покидать дом. Она занималась в библиотеке, и уходила из нее только перед закрытием.

Заканчивался очередной учебный год, предпоследний. Впереди были еще одни безмятежные каникулы. В один из теплых майских дней отец Ксюши заехал на машине за дочкой в школу после экзамена. Ксения уже получила свою пятерку, вскоре с отличной оценкой выбежала из класса и радостная Алина. Отец Ксении предложил подружкам покататься по городу. Лицо Алины радостно вспыхнуло, но Ксения заметила:

– Куда же мы в таком виде? Надо пойти домой, переодеться.

Обе, и Ксения и Алина были по случаю экзамена в белых фартучках – взрослые девушки в детской форме. Отец Ксении прижал дочку к себе и ласково улыбнулся:

– Дурочки вы мои маленькие. Это же счастье – иметь право на детский наряд. Будут у вас еще и бархатные платья, и костюмы, и джинсы, если хотите, но белых фартучков не будет. Разве что вы в горничные поступите.

Девочки рассмеялись и почувствовали легкую грусть, признав правоту все на свете понимающего взрослого мужчины. Они забрались в машину и покатали по городу.

Ксюша и Алина сидели на заднем сидении роскошной по тем временам «Волги». Алине она казалась подобием правительственного автомобиля. В салоне было просторно. Из приемника лился божественный голос Анны Герман. Машина мчалась по широким набережным Невы, по нарядным проспектам. Остановились у летнего кафе – тогда они только появились на тротуарах Невского проспекта. Прежде такие столики под легкими тентами считались достоянием Парижа – девочки видели их только в кино. Отец заказал подружкам мороженное и сок, себе чашечку кофе. Весело болтали, заговорили о планах на будущее, но Алина была невнимательна. Она смотрела по сторонам, радостно вбирая в себя завистливые взгляды прохожих – не все могут позволить себе сидеть в дорогом кафе на центральной улице города! Ей пришла в голову приятная мысль: прохожие не знают, кто из девочек – дочка этого видного мужчины. Алина придвинула свой стул поближе к Игорю Сергеевичу – пусть люди думают, что это ее отец! Игорь Андреевич подозвал официанта, протянул ему свой фотоаппарат и попросил щелкнуть компанию. Молодой человек взял аппарат в руки, а Ксения резво вскочила и отошла в сторону. Фотографироваться она не любила, считала, что на карточках ее неправильный прикус особенно заметен.

– У нашей Ксюши – пунтик, – с легкой улыбкой заметил Игорь Андреевич, не любит фотографироваться.

Алина была рада, что Ксюха отбежала. Могла ли она мечтать сфотографироваться вдвоем с Ксюшином папой! Он же наверняка подарит ей эту фотокарточку?

Ксения посмотрела на подружку, прильнувшую к плечу ее отца. Ее белый фартук и его строгий, темный костюм элегантно контрастировали друг с другом. Неизъяснимый прилив нежности к своему папочке охватил ее, будто она стояла на перроне, а поезд увозил его в дальние края. Безотчетный страх лишиться отца промелькнул в душе. Никто, даже лучшая подруга, не смеет так прижиматься к ее отцу?

Не знала Ксения, как поступила с фотокарточкой подружка. О, действия Алины были вполне невинны. Она положила фото в свою сумочку и, когда никто не видел, вынимала его и разговаривала с Игорем Сергеевичем, называя его папой. Просила его помочь в каких-то житейских делах, а при случае показывала своим новым знакомым фото «отца». Все лето Алина жила радостным самообманом. Каникулы она провела в подростковом отряде, в пригородном совхозе. Ребята не только занимались прополкой и уборкой корнеплодов, – жили и отдыхали, а главное, были обеспечены трехразовой кормежкой. Многих ребят из неполных семей, как и саму Алину, в отряд привело желание заработать. Однако Алина изображала девочку из благополучной семьи, приехавшую ради экзотики.

Ксения, как обычно, на каникулы вместе с мамой уехала в Комарово, на государственную дачу к бабушке и дедушке. Дача полагалась деду как ответственному номенклатурному работнику. Финский залив, велосипедные прогулки по песчаным дорожкам, походы в лес за грибами и ягодами. По вечерам общение с интеллектуальными юношами и девушками – детьми соседей по даче. Все как всегда. Но когда они с мамой к началу учебного года вернулись домой, их мир перевернулся. Отца больше не было с ними.

Он сообщил Надежде Владимировне, что уходит к другой женщине. Разумеется, не к матери Алины, к совсем чужой. И Алина со своей детской игрой в вымышленного отца была в этом совсем не виновата. Она утешала плачущую Ксению, повторяла расхожие слова о том, что все мужчины козлы и сволочи.

– Не смей так говорить о моем отце, – остановила ее тогда Ксения. – Он – не такой. Он не виноват. Я все равно буду любить его.

Алина тотчас переменила тон:

– Да, Игорь Андреевич – замечательный человек. Мы все равно будем любить его.

– Мы? – удивленно вскинула брови Ксения. Даже слезы высохли на ее глазах.

– Мы же с тобой как сестры, – ушла от прямого ответа Алина.

Тогда впервые Алине подумалось, что мысли имеют какую-то силу. Но ее невольная ворожба, мысленное присвоение чужого отца, оказалась ворожбой неумехи. Да, подруга лишилась отца, но она, Алина ничего не приобрела. Зато нынешнее несчастье подруги вдохновило ее. Алина почти полюбила Ксению, которую тихо ненавидела все эти годы.

Алина нажала на тормоза и выключила мотор. Вот она и добралась до нужного адреса. Ладно, хватит воспоминаний. Что было – былшем поросло. Она давно перестала завидовать Ксении, переключив свою энергию на объекты, более достойные зависти. И все же вина Ксении была неоспорима. Алина приписывала подруге детства и высокомерие, и насмешки, и привязанность к аристократическому быту. Что ж, Бог наказал гордячку, думала Алина, скользая мысленным взглядом по дальнейшей жизни Ксении. Зато к ней самой он проявил милость, вознес на вершину материального благополучия.

...Вадик распахнул дверь и впустил Алину в квартиру. Помог снять пальто, повесил на вешалку. Вымученно улыбнулся, но мутноватый взгляд из-под опавших стрелок-бровей удивил Алину. Ее другу не хватало характерного драйва. Они прошли в комнату. После поспеш-

ного бегства из квартиры Ксении здесь было неуютно. Всюду на открытых поверхностях лежала пыль, под столом и креслами валялись обрывки каких-то бумажек, пустые целлофановые мешки от одежды. Покрытое толстым слоем пыли пианино тоже казалось каким-то мертвым. Ни единой нотной тетради не лежало на нем.

Алина подошла к инструменту – она помнила его с давних пор. Провела по закрытой крышке, прокладывая черный, блестящий лаком ручеек среди пыльной равнины. И в этом Ксения была виновата – в том, что умела играть! А она, Алинка, в те годы сидела рядом и делала вид, что наслаждается музыкой, хотя все эти фуги и миноры только наводили на нее сон.

– Надолго твоя половина укатила в Америку?

Вадик пожал плечами. Этот молчаливый жест тоже был для него странным. Он привык сыпать словами.

– Да, зарос ты тут в грязи без Ксюхи, – давай-ка я приберусь немного. – Где у вас пылесос?

Алина скинула белый пиджак, повесила его на стул, брезгливо протерев спинку, и взялась за работу. Вскоре комната приобрела жилой вид: на столе появилась скатерть, тщательно выметенный паркет заблестел, маленькие подушечки аккуратно разлеглись по торцам дивана. Повеселел и Вадик. Он даже решил пропустить очередной прием лекарства, чтобы не заснуть в присутствии Алины.

– Ну, чем будешь угощать? Коньяк или водочка найдутся? – Алина, расслабившись от приятной усталости, прилегла на диван.

Вадик смущенно потирал руки. Ему было запрещено пить во время лечения, но выпить хотелось. Он полез в бар за бутылкой.

– Что-то ты сегодня лениво шевелишься, – заметила Алина, принимая сидячее положение, – и растолстел вроде.

В самом деле, похожая на кабачок фигура Вадика за время пребывания в больнице как-то расплзлась. Казалось – еще немного, и кабачок станет тыквой. И стрелки его почти всегда нахмуренных бровей слегка опустились, легли почти горизонтально.

– Да ладно меня разглядывать, Алька. Поехали лучше, – он приподнял стопку с водкой, – за любовь!

Они выпили, закусили кабачковой икрой, – единственной закуской, найденной Вадиком в холодильнике.

– Зря я не догадалась купить что-нибудь по дороге, – Алина подцепила на вилку кучку коричневатой жижи. – Этак мы с тобой поплывем без закуси, а нам еще о деле надо поговорить.

– О деле потом, – сказал Вадик и налил следующую стопку. – За любовь, реально.

Алина чуть покачнулась, встала, направилась к музыкальному центру и стала подбирать подходящий к случаю диск:

– Тут у вас почти одна классика.

– Это Ксения собирает. Поищи, там есть музыка из кинофильмов.

Потом они немного потанцевали, все теснее прижимаясь друг к другу. Алине уже не хотелось думать о делах. В конце концов, будет еще время обсудить новую работу. Вадик тоже не проявлял любопытства: столько времени не знал женщины, но сегодня природа проснулась в нем. Не сговариваясь, оба, продолжая танцевать, сделали шаг в сторону дивана. Вадик лихо-радочно расстегивал брюки. Две рюмки, в другое время проскользнувшие незамеченными, сегодня воздействовали на него как пять. Стриженная ежиком голова вспотела, он никак не мог справиться с ремнем. Руки нервно дергали пряжку, а брови злобно складывались в галочку, сходясь у переносицы в острый угол.

– Что с тобой? – Алина помогла другу раздеться, разделась сама. – Не торопись, дурашка. Тише едешь – дальше будешь.

Но Вадик неистовствовал. Он больно укусил Алину в плечо и мгновенно разрядился. Алина почувствовала разочарование. Шутя, двумя пальцами, шлепнула любовника по щеке.

Вадик взбеленился и стал душить Алину. Она захрипела. Потом усилием воли заставила себя на мгновение затихнуть, как хитрая лиса, притворилась мертвой. Вадик уловил, что сопротивление ослабло, и спохватившись, отпустил свою жертву.

– Ну, Вадим, ты прямо озверел, – приводя себя в порядок, констатировала Алина. – Как тебя только Ксения выносит!

– Извини, Алька. Я с утра ничего не ел, реально. Водка в голову ударила. Ты подожди тут, я в магазинчик сбегаю. Куплю колбасы, пирожных. Ты только не сердись, ладно?

– Раньше ты был нежнее, – заметила Алина, в душе прощая его. В принципе Алина любила яростных мужчин. – Хорошо, возьми пирожных.

Вадик выбежал в прихожую, быстро оделся и выскочил на улицу. Он понял, что мешать спиртное с транквилизаторами, прописанными ему врачом, не следовало. Вскоре вернулся домой с объемистым пакетом пирожных. Алина уже хлопотала на кухне, заваривала чай. Вадик забежал в комнату, незаметно выпил несколько капель настойки пустырника.

За чаем восстановилась духовная гармония. Вадик даже пожаловался Алине, что толком не знает, когда возвратится жена. Сказал, что она не пишет и не звонит.

– Ах, вот в чем дело! Ты переживаешь, чудак. Не стоит она того. Мы же с тобой знаем, что Ксения мизинца твоего не стоит.

– Не надо так о ней, Алька. Я же люблю ее.

– А меня больше не любишь? – Алина игриво погрозила пальчиком.

– И тебя люблю. Только по-другому. Ты мне как сестра.

– Разве с сестрой спят в одной постели?

– Не лови меня на слове. Так о чем ты хотела поговорить?

Алина мгновенно преобразилась в деловую леди и кратко сообщила Вадиду, в чем будут заключаться его обязанности, если он согласится работать с ней.

– В понедельник поедem в «Волну», – заключила Алина. – Месячишек, я думаю, нам хватит, чтобы разведать обстановку. Будем изображать добропорядочных арендаторов. Да, диплом врача захвати обязательно. А какие-нибудь бумажки, подтверждающие твои связи с поставщиками биодобавок, у тебя есть?

– Найдутся. Комар носа не подточит, реально.

– О'кей. Да, кстати... – вспомнила Алина, – у меня в этом санатории родная бабушка работает. Прежде была уборщицей, а недавно письмо написала, ходит у какой-то дамочки в няньках.

– А я и не знал, что у тебя есть бабушка. Про мать ты рассказывала, про отчима тоже, а про бабушку первый раз слышу.

– Вот заодно и познакомишься.

– А я, Алька, своих предков начисто позабыл, сто лет у них не был. Тоже неплохо бы свидеться.

– А где они у тебя?

– Далечно, в Хабаровске. Чтобы билет туда и обратно купить, надо полгода отпахать, реально.

– Вот получишь премиальные за спецзадание и смотаешь к своим.

– Да кус ты обещаешь приличный, если только не врешь.

– Зачем мне врать? Ты ведь видел мою машину? А шубка моя знаешь сколько стоит? Натуральная норка! Сама заработала. Будешь помогать мне, в накладе не останешься. Ну, мне пора. У меня на сегодня намечены еще кое-какие дела.

Вадик помог Алине надеть ее коротенькую, чтобы в машине было удобно сидеть, норку – и открыл дверь:

– Ладно, бывай. В понедельник буду ждать тебя в девять. Какие вещи брать?

– Сумку побольше для солидности, а что ты туда накидаешь, мне пофиг. Только белый халат не забудь! Цифровик и ноутбук у меня свои, а больше нам ничего не надо. Кстати, мобилу оставь дома. Любая связь с внешним миром – только через меня.

Новые арендаторы, Алина с Вадимом, не вызвали подозрения у главврача – обычные мелкие коммерсанты. Такие то и дело меняют адреса своих офисов, чтобы уйти от бдительного ока налоговой инспекции. Жарковский проверил по своим каналам сведения, сообщенные Вадимом. Все подтвердилось: менеджера от медицины Кривоноса хорошо знали в кругах распространителей биодобавок. А спутница его, Оболенская-Первомайская, хотя и не была известна в околomedicalных кругах, в черных списках тоже не состояла. Приехавшие разместились в отдельных номерах-палатах, но показное целомудрие не могло обмануть главного врача. Он видел, что между мужчиной и женщиной существует любовная связь, но личные дела этой пары его интересовали менее всего. Жарковский отдал в краткосрочную аренду один из кабинетов рядом с кабинетом диагностики по методу доктору Фолля.

Новые арендаторы готовили к открытию свою аптеку: мыли помещение, навешивали на окна занавески, расставляли стеллажи. В уборке им помогала баба Проня. Алина заранее сообщила ей по телефону, что приезжает по своим делам в санаторий «Волна» и будет рада увидеться. У бабы Прони оказался двойной праздник: накануне, на какую-то выставку в Питер уехала ее хозяйка, Ксения Игоревна, взяв с собой сына.

Вадик крутился в комнате, путался под ногами, но бездельничал недолго. Алина отвела его в сторонку и шепотом напомнила о деле: ему следовало встроить прослушку в кабинете главврача, пока тот в отъезде.

– Ни пуха, ни пера. Установишь жучки-паучки, дуй снова ко мне.

Алина и баба Проня остались вдвоем: теперь расставить на стеллажах баночки и бутылочки с лечебными средствами и работа будет завершена.

Хотя бабушка и внучка не виделись три года, душевного разговора между ними не получилось: кратко о здоровье, мимоходом о работе и снова молчание – отношения между родными по крови людьми были прохладными. Нашли они друг друга тогда, когда Алине уже было шестнадцать лет. И помогла им в этом мать Ксении, Надежда Владимировна.

Внезапный уход мужа из семьи разбил сердце Надежды Владимировны и всю ее жизнь. Чтобы преодолеть собственную депрессию, она стала помогать другим: устроилась волонтером в благотворительный фонд. Фонд опекал бездомных, и медицинские знания, когда-то приобретенные сотрудницей здесь оказались, как нельзя кстати. В ночлежке было несколько лежачих больных, среди них безнадежной считалась бомжиха Валя. Было ей в ту пору чуть за пятьдесят. Но испитое, отечное лицо, синие вены на руках, абсолютно седые редкие волосы, торчащие патлами во все стороны, лишали ее возраста и пола. Валя несколько лет отсидела, потеряла жилплощадь, бродяжничала и в итоге, больная и обессиленная, оказалась в приюте, где получила кров, стол и даже уход, когда заболела. Было неясно, что у нее за болезнь: ноги отказывали, руки немели, сердце заходило. Волонтеры фонда обивали пороги больниц, чтобы пристроить свою подопечную, но пока та, тихо постанывая, чуть ли не умирала на руках добровольной сиделки.

– Ну, что у тебя болит, Валя? – допытывалась Надежда Владимировна. – На, выпей вальерьянки. Скоро возьмут в больницу, там обследуют...

– Мне бы белоголовой наперсточек. Уважь, Надюха.

– Нельзя, милая, нельзя.

– О-о-ой, – вновь стонала больная, – о-ой, умира-а-аю, твою мать.

– Валя, а родные-то у тебя есть? – Надежда Владимировна пыталась отвлечь больную, так как иных средств лечения у нее не было.

- Слышь, Надежда, не выкарабкайся мне. Видно, час мой близок, хочу облегчить душу.
- Ну, что там у тебя за грехи? Может, священника позвать?

У всех бездомных были запутанные биографии, половина из них прошла тюрьмы и лагеря, но каются они не привыкли. Напротив, считали себя невинно осужденными, несчастными жертвами. Недавно появившийся в фонде священник не переставал удивляться этим людям: почему-то они не склонны к покаянию? Надежда Владимировна удивилась словам больной. Та настаивала:

- Не, к священнику мне нельзя, не крещенная я, да и не поймет мужик моей беды.
- Священник – не мужчина.

– Так, вот, Надюха, болит у меня ноне душа, оттого я и не могу подняться. И не лежала бы я тут, всеми заброшенная, если бы умнее была, оставила бы ребеночка.

- Что, аборт сделала?

– Хуже. Признаюсь, как на духу: родила я девчоночку и бросила ее. Да и то сказать, крепко я в то время квасила. Я поначалу-то думала, что ее папашка на мне женится, а он, подлюга, по оргнабору на Север записался и был таков.

- А кому дочку-то отдала?

– Да можно сказать, миру подбросила. Знаете, игра в старину была в штандар. Мячик подкинут к небу, и лови, кто хочет. Вот и я помню, нарядила на Первое Мая свою Розочку в новую рубашонку. Имя не поленилась, вышила на ней. И буковку от фамилии негодяя – «П». Да, цветочек мой, кровинушка моя, Розочка, красивая была дочура. Только-только в коляске сидеть научилась. Ну выехала я с ней на улицу, кругом веселье, музыка. Мужики-подлюги своих девок тискают. А я одна-одинёшенька. Наши общежитские на праздники разъехались по домам, а я разве могу в деревню показаться с ребенком нагулянным? Знаешь, в то время строго было, не то что сейчас, сплошное бесстыдство. Ну, а кто не уехал, с предприятием на демонстрацию спозаранку ушли. Ну, значит, нарядила я Розочку, – старуха уже повторялась, – и – тоже на улицу. А тогда у нас по праздникам пиво в розлив продавали. Ну, я кружечку-другую опрокинула, голова закружилась, все мне стало трын-трава. В общем, куда-то я эту колясочку в уголок примостила, а потом сама забыла, где оставила. Народ кругом гуляет, круговерть – не вообразить. Я туда-сюда, а коляски и нет. Так на Первое Мая я своей дочурки и лишилась.

- Что ж в милицию не обратилась? Может и нашелся бы ребенок.

– Да куролесила я неделю. Мне тогда самой едва семнадцать исполнилось. И не единой доброй души вокруг, чтобы наставила, глаза раскрыла. А не будь я дурой тогда, не ты у меня сейчас бы службу отбывала, а доченька моя Розочка. Поди ей сейчас годков-то набежало, как тебе. Ой, дай-ка мне вон ту коробочку, – Валя потянулась к тумбочке и чуть не упала с кровати. Надежда Владимировна помогла ей.

Бездомная трясущимися пальцами стала перебирать куцую пачку бумажек и вскоре вытащила из нее блеклую фотокарточку маленького ребенка, сидящего в коляске.

- Вот, посмотри, моя дочура, Розочка. Три месяца ей тут.

Надежда Владимировна всмотрелась в карточку и у нее появилось смутное ощущение, что где-то она уже видела это лицо. Во всяком случае, очень похожее. Ну, да. В девятом, полувыпускном классе, у дочки в школе делали альбом. Следуя странной моде, выпускники рядом со своими фотографиями помещали фото из раннего детства. Это ж Алинка! Одно лицо! И мать ее зовут Роза. И фамилия Первомайская, на букву «П», – видно, в детдоме присвоили.

- Когда, говоришь, ее потеряла?

- Говорю же, на Первое Мая. Сейчас вспомню в каком году.

Надежда Владимировна окончательно уверовала, что речь идет о Розе Анатольевне Первомайской, вагоновожатой, матери подружки ее дочери. Но надо было выяснить еще кое-какие моменты.

- Ничего не обещаю, но, возможно, я смогу вам помочь в поисках вашей дочери.

– Ой, милая! Да разве ж это можно. Да я за тебя Богу буду молиться. Окрещусь у нашего батюшки и буду молиться.

Дочь Роза Анатольевна не простила мать, бросившую ее ребенком, и не захотела с ней встречаться. Но Алина, в то время подросток, проявила любопытство к неожиданно объявившейся бабушке и посетила ее несколько раз. Валя воспряла духом и чудесным образом выздоровела. Фонд нашел ей работенку с жильем: убирать туалеты на вокзале. На сей раз Валя сумела удержаться на работе, дав зарок внучке и самой себе не пить. Алина вскоре потеряла интерес к этой бомжихе, однако необъяснимое внутреннее сходство – душа, пораженная завистью ко всему миру – притягивало их друг к другу. Алина и баба Валя уже не теряли связь, хотя не встречались годами и месяцами.

Когда баба Валя устроилась горничной в санаторий, она позвонила Алине, пригласила ее на отдых. Алине было не до отдыха: она делала карьеру. После трехлетнего перерыва Алина и постаревшая баба Валя встретились в санатории. Бывшая бомжиха выглядела лет на десять старше своего возраста из-за изрезанного морщинами и иссушенного лица. Губы ее совершенно ввалились и, казалось, намертво склеились. Говорила она редко и мало. Впрочем, облик ее был вполне благообразен: прямая, тощая, всегда в платке. Несмотря на сморщенное лицо, в теле ее было достаточно силы и крепости, чтобы работать по двенадцать часов в сутки. И еще была у бабы Вали новость – она вступила в какую-то секту, приняв новое имя – Прасковья. Окружающие звали ее теперь баба Проня. Так же велела она себя называть и своей внучке. Причастность к секте вернула бабе Проне чувство собственной значимости и даже возвысила над прочими людьми, не верящими в Божье царство для избранных. Но перед внучкой она по-прежнему робела.

– Слышь, внуча, – баба Проня сделала паузу, – а этот – пузатый – мужик – Вадим, – и снова она останавливалась, будто набираясь смелости или подбирая слова, – он тебе кто?

– Да так. Работаем вместе.

– Этой – ерундой – торгуете?

– Баб, подай-ка мне вон те коробочки, надо их сюда поставить. Скажи лучше, что за хозяйка, у которой ты сынка нянчишь? Не сильно требовательна? Она кто, из местного персонала?

– Да так, ничего. На первый взгляд – добрая, но, сдастся – себе на уме. Все эти «простите-извините» меня из себя выводят, – голос бабы Прони был монотонен, она будто скандировала слова. – Наш главный приставил меня – к этой Ксении Игоревне. Ему поперек не пойдешь – миг выгонит. И, мальчонка ее, Никитка – тоже больно умный. Она ему все сказки какие-то мудреные читает, он – тоже меня потом поучать смеет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.